

С 303

Д. СЕВЕРНОВСКИЙ

ИЗБРАННЫЕ
СТИХИ

ОГНЗ

ИВГНЗ

1946

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

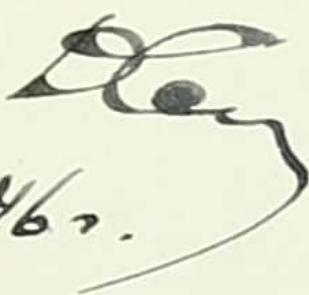
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

4/695 390^а

3 ТМО Т. I м.л. 3. 212-78

Дорогому Теме —
с любовью.

11 мая 1946г.

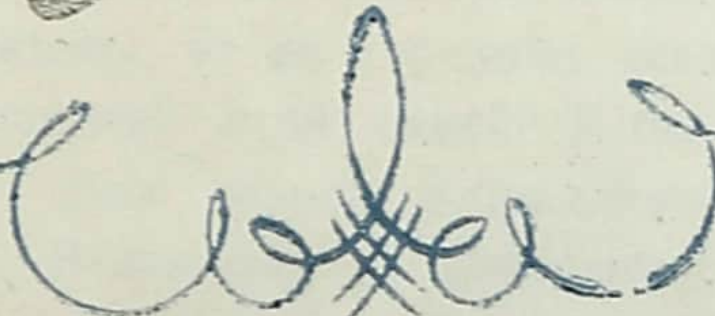

182550
Д. М. Семеновский

Избранные
стихи

ОГИЗ

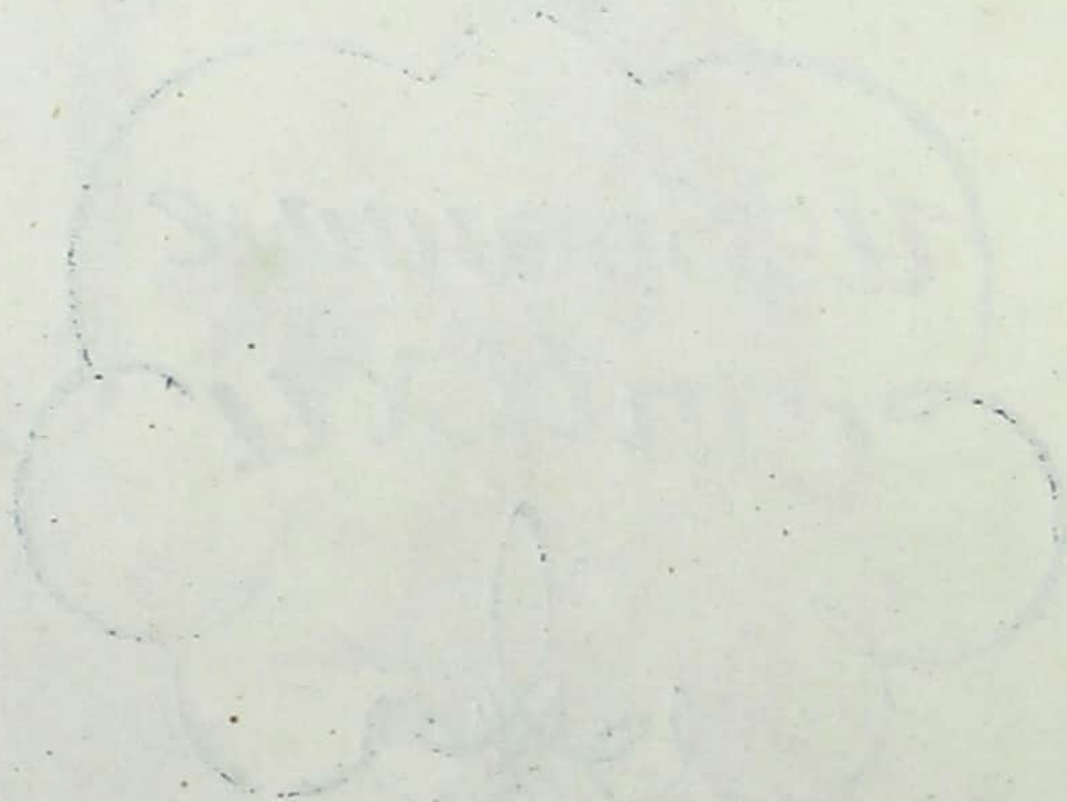
ИВГИЗ

1946

С 303

1022481

ПОЭЗИЯ ДМИТРИЯ СЕМЕНОВСКОГО

«Сила настоящего искусства в том, что оно, взяв простейшее, обыденное явление, вскрывает его глубокий социально-драматический смысл, показывает его крепкую зависимость от общих условий жизни, от ее коренных основ. Обладает ли Семеновский этой силой? Я бы сказал: да, обладает». Эти слова принадлежат Максиму Горькому. Взяты они из написанного им предисловия к книге стихов Дмитрия Семеновского «Земля в цветах».

Дмитрий Семеновский — своеобразное и весьма интересное явление русской поэзии последних трех десятилетий. Некогда скромность взыскательного художника продиктовала Семеновскому горестный афоризм — «мой песенный подвиг безвестен». М. Горького эти слова заставили сказать: «К сожалению, это правда. К сожалению потому, что это «правда несправедливости».

Честное и бескорыстное служение поэзии, лучшим общественным идеалам, высокое горение души не могут пройти бесследно. Рано или поздно «песенный подвиг» будет замечен. Тот, кому дороги судьбы родной русской поэзии, не пройдет мимо творчества Семеновского, для которого поэзия не столько профессия и ремесло, сколько подвижничество, величайшая ответственность, одна из самых сокровенных возможностей общения между людьми. Поэзия — призвание Семеновского, основное в его жизни.

Дмитрий Николаевич Семеновский родился в 1894 г. в семье сельского священника. Учился он в шуйском духовном училище и Владимирской духовной семинарии, которую не закончил, так как был исключен из нее за участие в ученической забастовке. «Было исключено много народу, — вспоминает Дмитрий Николаевич в своей книге «А. М. Горький. Письма и встречи», — семерых начальство по этапу выслало из Владимира в родные села. К злополучной семерке был причислен и я. Как и другие, я получил волчий билет. Пути к дальнейшему учению оказались для нас закрытыми». Продолжать образование помог будущему поэту Максим Горький. На выделенные им средства и существовал Се-

меновский, поступивший в эту пору в Московский народный университет имени Шанявского. В годы первой мировой войны Семеновский работает в Иваново-Вознесенском государственном банке. В 1917 г. он переходит на работу в редакцию газеты «Рабочий край», которая надолго становится трудовым пристанищем поэта.

Небогата внешними событиями жизнь Семеновского. Зато много можно сказать о духовной его биографии. Пути его творческих исканий — интересны и разнообразны.

Семеновский потянулся к певучему слову сравнительно рано. Вот что он сам говорит об этом: «Прелесть поэтической речи я впервые почувствовал школьником. Помню, в качестве ученика младшей группы, я выводил по трем косым линейкам недавно усвоенные буквы, а учитель в это время спрашивал у старшеклассников заданное наизусть стихотворение, начинавшееся так:

При сияющих звездах,
В полусвете, в полумгле
Тихо, тихо в небесах,
Тихо, тихо на земле!

Я был пленен музыкой слов и картиной, которую они изображали. В эту же пору в нашем.

доме появился том Пушкина, и я начал читать его сказки. Но писать стал лет 15-ти. Первые мои напечатанные стихи появились в газете «Правда» в 1912 году».

Есть люди, встреча или переписка с которыми должны быть приравнены к жизненному событию огромной важности и силы. Таким событием в жизни молодого поэта Дмитрия Семёновского была переписка, а позднее и личное знакомство с великим русским писателем Максимом Горьким.

Обрадоваться новому человеку в искусстве — большое и трудное дело. Не каждому, далеко не каждому, эта задача по плечу. Горький искал людей. Он жил в надежде, что откроется дверь и в комнату войдет новый Пушкин. Поэтому дверь горьковского дома не закрывалась. Поэтому Горький зачастую читал сотни никчемных рукописей, от которых ныне отмахнулся любой литературный консультант при редакции. Горький понимал, что поэтический шедевр не может быть сразу же положен на стол. Нужно воспитать художника. Это — труднейшая и сложнейшая задача. Горького никто не обязывал этим заниматься. Он чувствовал внутреннюю потребность искать новых художников. Он был

в подлинном смысле слова родоначальником нашей советской литературы. Им найдены, вскормлены и выпестованы десятки наших литераторов. К их числу относится и Семеновский.

В далекие дореволюционные годы безвестный юноша, как сотни других юношей, писавших черным по белому, решил послать великому писателю свои сочинения. Горький в ту пору жил на Капри и редактировал беллетристический отдел издававшегося в Петербурге марксистского журнала «Просвещение». Автор спрашивал в приписке к посланным стихам, — есть ли у него талант и что ему делать, девятнадцатилетнему?

Через некоторое время прибыл ответ — подробный, сердечный, обнадеживающий: «Искра божья у вас, чуется, есть. Раздувайте ее в хороший огонь. Русь нуждается в большом поэте. Талантливых — немало, вон даже Игорь Северянин даровит! А нужен поэт большой, как Пушкин, как Мицкевич, как Шиллер, нужен поэт — демократ и романтик, ибо мы, Русь, — страна демократическая и молодая. Ищите себя, всех слушайте, всех читайте, — никому не верьте и везде учитесь. Сим и можете победить».

Этим письмом Горький ставил перед начинаю-

щим литератором широкие идейно-художественные задачи, доказывал, что одного таланта — мало, что талант нуждается в направлении, а направление русского литератора, в условиях того времени, — борьба за торжество демократических революционных сил. Поэт должен стать буревестником, если хочет жить заодно с народом. Для этого необходимо не только умение писать, но и высокое общественное подвижничество, коего не было у многих модных тогда модернистов. Вполне понятно, что, получив такое письмо, Семеновский почувствовал себя окрыленным, хотелось оправдать похвалу Горького — тотчас, немедленно. Поэт посылает Горькому новые свои стихи. В ответ приходили строки, «написанные прямым, круглым, будто катящимся почерком». Даже на конвертах горьковских писем была видна его забота о людях. «В итальянской части адреса Горький прибавлял к фамилиям своих корреспондентов слово «сеньёр», что весьма повышало самоуважение людей вроде меня — с волчьими билетами» — говорит Семеновский в своей книге о Горьком.

Горький помогает молодому поэту: назначает ему из своих средств ежемесячную стипендию, посылает книги, печатает его произведения,

иногда бранит («на сердитое письмо не обижайтесь. Это слова сердитые, а не мысли»), сурово критикует, учит требовательно относиться к своему творчеству, решительно избавляться от игры в термины, прикрывающие внутреннее убожество («я не знаю, что такое гражданский поэт и военный, я знаю только хороших поэтов и плохих»), равняться на передовых мыслителей и поэтов («литература у нас, на Руси, дело священное, дело величайшее»).

Горький напоминал молодому поэту, что тем ярче расцветет его талант, чем крепче будет его связь с жизнью. Для этого надо не только смотреть на мир, но и видеть его. Видеть те ростки будущего, которые уже тянутся к солнцу, а скоро вымахнут могучими стволами ввысь. Горький знал, что именно народ потребует завтра от своих поэтов: «Русь нуждается в бодрых песнях, довольно минорничали».

Сейчас, когда книги Семеновского лежат перед нами, когда хор его стихов славословит жизнь — «мир-хорош», — нетрудно сказать, по какому пути шел поэт. Он шел, разумеется, по пути, указанному Горьким. Но в ту пору, когда прозвучал призыв Горького создать бодрые песни, Семеновский не был еще автором больших

ства этих книг, и справедливые слова учителя: «довольно минорничали» — ощущались поэтом, как задача — труднейшая из трудных, как благородная и неотложная задача. Было трудно, но Горький, живший далеко и ощущавшийся рядом, как родной человек, помогал, советовал, разъяснял: «Лирик вы. Это — хорошо. Но — иногда человек должен схватить сам себя за сердце, нет ли там, в сердце, кроме тихой грусти — горькой усмешки, гневной искорки, иронического яда? Уж если вы выходите на люди — показывайте себя богаче, всего себя развертывайте»...

В 1915 г. Семеновский встретился, наконец, со своим великим учителем. Это было в Москве. Горький сразу же заговорил о том, что пора издать стихи Семеновского отдельной книгой, что надо ему поехать по России.

Поздней, при другой встрече, Горький советует Семеновскому писать прозу. Поэт ответил, что у него нет еще необходимого для беллетриста опыта жизни. Горький все же убедил Семеновского в том, что проза — тоже его кровное дело, и поэт в дальнейшем пробует свои силы в беллетристике и дает целый ряд рассказов, во многом примечательных.

Горького интересует все: как живет Семенов-

ский, что читает, куда намеревается поехать, как работает — регулярно или время от времени.

В годы советского культурного строительства в Иванове выросла крепкая писательская организация.

«На горах мануфактуры ты сотворил себе Парнас», — писал поэт Иван Жижин, обращаясь к родному городу. Первым, кто заинтересовался ивановскими литераторами, был Горький, отлично знавший работу Е. Вихрева, М. Шошина и многих других. С Семеновским Алексей Максимович продолжает поддерживать тесную связь, показывает стихи поэта Александру Блоку, который пишет вскоре статью «О Дмитрие Семеновском». Горький приглашает Семеновского сотрудничать в новых журналах («Колхозник», «Наши достижения»), пишет предисловие к книге стихов «Земля в цветах» (Изд. «Недра», Москва, 1930), берет эпиграфом к одному из своих очерков строки нашего поэта и т. д. и т. п.

Нет слов, отеческая забота и внимание Горького сыграли в жизни и литературной деятельности Семеновского огромную, решающую роль. Мы остановились на этом так подробно для того, чтобы, во-первых, на новом материале лишний раз сказать о Горьком, как о собирателе

литературных сил, и во-вторых, показать, как поэт под влиянием чуткого и умного руководителя может направить свой талант, поставить перед собой ясные и определенные идейно-художественные задачи.

Первые опубликованные стихи Семеновского датированы 1912 г. Это была пора, когда Россия после временного торжества черных сил реакции шла к новому революционному подъему. Как уже сказано выше, Семеновский впервые напечатался в «Правде». В дальнейшем поэт сотрудничал в рабочей печати, в сборниках и альманахах, издававшихся Горьким и писателями революционно-демократического толка. И действительно, если мы взглядемся в ранние стихи Семеновского, то найдем в них немало строк о заревых знаменах, о предчувствии революционного подъема, о родной России, природа которой станет вскоре едва ли не главной темой поэта, о революционере-подпольщике:

Упрямый рот. Глаза как сталь.
Кругом брошюр подпольных кучи
И прокламаций снег летучий.
Поник в печали. Смотрит вдаль.

В другом стихотворении, воспевающим брат-

ские отношения строителей нового мира, поэт говорит:

Как ветер весенний, нежданно и ново
Меж нами промчалось заветное слово,
Заветное имя одно:
— Товарищ!

Как песня звучит нам оно.

Даже в эту начальную пору своей работы Семеновский далек от злоупотребления эффектными ораторскими оборотами, абстрактно-риторическими образами, эмблематикой и символикой, которой так увлекались поэты «Кузницы» и Пролеткульта. Фанфары восклицательных знаков не так уж часто звучат у него, поэта, пустившего крепкий корень в родную почву. А если и появляется у него образ обобщенный, панорамный, то за ним — истинная страсть, романтический порыв юности:

Судьба, свисти в летящем флаге,
Дерзанье бедам обреки, —
Привет обветренной отваге,
Плывущей бурям вопреки.

Эти строки — из стихотворения «Снеговые корабли», которое от первой до последней строки — построено на образах зримых, трехмерных и конкретных до осязаемости.

Наряду со стихами призывного характера Семеновский пишет произведения на другие темы, но в них мы узнаем ту же руку, тот же лирический почерк. Это стихи, сближающие его, с одной стороны, с Блоком, с другой стороны — с Есениным.

В издательстве «Свирель» в 1922 г. вышла книга Семеновского «Благовещание». Основной в ней цикл «Родина». Это — песнь о России, песнь, полная любви к ней. Мотивы религиозные, иногда — дань моде, а зачастую лишь только повод для того, чтобы поговорить о красоте русской природы. Сквозь религиозную символику этих стихов то и дело прорывается страстное слово влюбленного в жизнь и людей поэта. Семеновский обращается к людям с призывом, звучащим в горьковском духе:

Удивляйтесь друг другу, как дивному диву,
Восхищайтесь друг другом светло!
Дайте волю восторгу и крылья — порызу,
Чтобы небо на землю сошло.

Другая книга называется «Под голубым покровом» (изд. «Гамаюн», Иваново-Вознесенск, 1922 г.). Здесь поэт также стоит «пред иконой земной красоты». Образы русской приро-

ды, лирика дружеского собеседования любви и доброжелательности к людям — основные мотивы и той и этой книги. Стихи напевны и легко складываются в циклы — признак цельности поэтического мышления. Музыкальности Семеновский добивается не модными в ту пору звукоподражаниями и ассонансами, — музыкальность эта внутренне присуща его стиху. Образ входит в душу читателя вместе с породившим его напевом. Это первое впечатление не пропадает и при ближайшем знакомстве с поэзией Семеновского. «Музыки, музыки прежде всего» — на это требование Верлена Семеновский отвечает с легкостью истинного поэта, для которого слово — дело, а песня — призвание.

«Есть у грустных и стройных напевов над душою волшебная власть», — говорит Семеновский. Этот растворенный в музыке лиризм и сближает Семеновского с Блоком. Мы слышим отзвуки (именно отзвуки; здесь в буквальном смысле слова) блоковской поэзии у Семеновского. К тому же надо прибавить расплывчатую религиозную символику блоковских «стихов о Прекрасной даме», которую находим в некоторых стихах раннего Семеновского. Поэт, видимо, своевременно понял, что ему не к лицу роль

кавалера этой дамы, которая Прекрасна с большой буквы; в дальнейшем такого рода заимствований мы у него не встречаем.

Здесь следует сказать несколько беглых слов о статье «О Дмитрие Семеновском», напечатанной в 10-м томе собрания сочинений А. А. Блока. Отмечая, что в ряде случаев у Семеновского есть «наблестанность» (риторика, ходульные образы и т. д.), Блок приводит стихи: «за землю, за волю, за хлеб трудовой идем мы с врагами бороться». «Это есть в каждом номере каждого пролетарского журнала», — отмечает Блок. «Иконостас» больше понравился автору «Скифов», хотя и здесь он отмечает растянutosть — грех, от которого Семеновский освободится позднее. Блок отмечает удачу поэта («это — по настоящему сказано» или «как все это хорошо») и говорит в конце своей статьи: «Много рассеяно в этих стихах признаков живого дарования; многое поется, — видно, что многое и рождается из напева; рифма зовет рифму, иногда новую, свою». Так Блок отмечал в молодом поэте черту, являющуюся и для него самого едва ли не основной.

С другой стороны, Семеновский тянется к образу житейски достоверному, порой понимая реал-

листическое только как бытовое. Здесь оч-
перекликается с поэзией раннего Есенина и
имажинистов.

Телега — ржаная краюха —
Увязла в медовый раствор.

«Медовым раствором назван навоз», — пишет
Блок в своей статье. «Можно погрузиться в
этот мир, как во всякий настоящий и неприду-
маный мир, и поверить, что «двор — уж не
двор, а дворец», потому что там — «сокровища
кала», но тут скоро задохнешься. В этом мире
нет места для страсти — она скоро превра-
щается в чувственность, и веянием этой обез-
личивающей чувственности уже проникнуты
порою «природные стихи» Семеновского: страсть
уже обескрылена там, где начинаются сравнения
(эти «опоясанные тучки», эти «сироты-овины»,
«мохнатые снопы»), где начинают играть боль-
шую роль запахи, где постоянно близка ржавая
болотная вода».

Была пора, когда Семеновский увлекался на-
туралистической достоверностью. Вполне понят-
ны причины, почему это происходило. Блок от-
мечает самое явление, не пытаясь разобраться в
том, почему оно имело место. Абстракциям и
расплывчатости, туманно-неземной образности

1022481

ИРКУТСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА
(№ 2)

символистов поэт, равно как и другие его современники, пытались противопоставить житейски-достоверное, сочное, пахучее, осязаемое, порой грубоплотское.

Семеновский обратился к жизни и доверился ей раз и навсегда. Он понял, что ему на роду написано воспевать «праздник жизни», ее будни, людей труда, природу своего края. Чтобы выйти на этот прямой путь, поэт должен был пройти и по лесным тропкам и по проселочным дорогам и по трясине, где «постоянно близка ржавая болотная вода».

Основная задача Семеновского в эту пору — добиться, чтобы слово было зримым, чтобы в нем ощущались соки земли, чтобы каждую строчку распирало от избытка сил, потому что

Каждый стебель, каждый лист
Праздник жизни дружно хвалит.

Порой поиски выразительной словесной живописи приводят Семеновского к имажинизму, крайности которого поэт никогда не разделял:

Голый клен исхудалой рукой
Засвечает звезду над прогоном.

В годы поисков своего места в жизни и литературе Семеновский испытал разнохарактер-

ные влияния. Он понял, что поэт должен отличаться «лица необщим выражением» — по слову Баратынского. Предстояло выйти на дорогу самостоятельно оригинального творчества.

Иду навстречу шири вольной,
Ветрами вешними дыша,
И, как березник тонкоствольный,
Тихонько теплится душа.

Мир открывался перед поэтом. Великая Октябрьская социалистическая революция открыла поэту основное: смысл его поэтического призвания.

От поисков беспредметной символики (см., например, «За морями — земли великие», к картине Рериха), с одной стороны, от поисков житейски-достоверных слов, приводивших к натурализму, с другой стороны (см., например, «Навозницу»), — Семеновский приходит к лирике, утверждающей новую революционную советскую жизнь. Это делает поэт не путем уравнивания названных нами — «с одной стороны» и «с другой стороны», не декларативно-лозунгово, а органически. Лирика Семеновского 20-х—30-х годов — это лирика человека, молодость которого счастлива «успоительным смятеньем». Эта лирика

свободна от крайностей — и от бескрылости натурализма и от такой «окрыленности» эпигонов символизма, при которой поэт улетает из жизни в надзвездные выси. Семеновский стремится выразить как можно вдохновенней и чище упоение новым миром, открывшимся ему и его товарищам, сказать, как можно полней и выразительней о том, что сердце наполнено радостью бытия:

Только б нежностью лучиться,
Только б слушать в забытии,
Как щебечет сердце-птица
Песни сладкие свои.

Дмитрий Семеновский становится певцом радости нашего бытия, в его стихах гремят вешние потоки, поют птицы, ликует человек свободного труда. Так самый ход жизни подсказал поэту верное решение задачи, поставленной перед ним его великим учителем: «Русь нуждается в бодрых песнях, довольно минорничали». Семеновский создает бодрые песни. Но в них нет того, что принято называть бодрячеством. Он пишет радостные песни. Но это не значит, что это бездумные песни. Напротив, радость у Семеновского всегда осмыслена;

Качает сережками ива,
Синеет апрельская таль, —
И грустно душе, и счастлива
Весенняя радость — печаль.

Эта «радость — печаль» является сущностью лирики Семеновского. В ней поэтический строй автора «Земли в цветах». Это лиризм проникновенной и чуткой души, открытой для впечатлений жизни и закрывающейся и никнущей при столкновении с житейской подлостью, лицемерьем и ложью.

Пстоплю глаза в густой лазури.
Мир хорош. Душа весны синя.
Русые свои ресницы жмуря,
Солнце загляделось на меня.

Одну из своих книг Семеновский так и назвал «Мир — хорош». Лучшие стихи в ней — о русской природе. Ее поэт чувствует тонко и глубоко. Говорит о ней часто и вдохновенно, потому что ее

Необузданная сила
Пенит кровь, потоки будит.
Так всегда на свете было,
Так всегда на свете будет.

Дмитрий Семеновский дал в своей лирике

проникновенные картины природы средней полосы России. Таких стихов немного в нашей поэзии. Семеновский заразительно ярко говорит о русской равнине, о вешней тали, о своем Иваново-Вознесенске, о Ярославле, о жимолости, о ярмарке и карусели. То его живопись по-леви-тановски мягка и прозрачна:

О, грустный покой повечерья! —
Темны дорогие места,
И падают, падают перья
С отрепанных крыльев куста.
Скучна ты, ненастная осень,
Но сердце к тебе прижилось,
Как неба свинцовая осинь —
К унынию голых полос.

То живопись эта необычайно пестра. Поэт дает по-кустодиевски плоскостные картины («Ярмарка»), или вдруг начинается у него малявинский вихревой полет, точнее — разгул красок («Карусель»). И там и тут в нем виден «художник тонкой кисти», для которого «краски — радость», выражаясь словами самого Семеновского, сказанными им в оригинальнейшей книге «Мстера».

Поэт прославляет радость жизни. Вместе с

тём он прокликает то, что мешает человеку жить, работать, творить. Фельетоны Семеновского в «Рабочем крае», по словам Горького, — «беспощадно бьют все, что нужно бить словами правды, и всех, кого следует бить». У Семеновского есть стихи сатирического характера (например, «Гуденье церковной меди»). Он — враг мещанского, comodoного счастья («лучше хоть голодное, да смелое житье»). Наконец, Семеновский, утверждающий, что «мир — хорош», призывает к борьбе с врагами прогрессивного человечества, к «злобе, воинствующей за любовь!».

Поэт — с людьми. Их радости — его радости, их горести — его горести. Вера в человека не покидает его. Более того: чем горче его потери, чем тягостней ему, тем больше он любит истинную жизнь, «тем злей ненавижу я муки людей» — говорит поэт. И природа — не тихая обитель, куда он бежит от общества. Нет, природа приближает его к человеку.

И взгляд звезды и девический взгляд
Чаруют меня, как диво.

Поэт влюблен в мир. И ему невдомек, о чем говорят окружающие. Душа, богатая собой, не боится ни насмешек, ни упреков:

Тихо звезды шепчутся: — Влюбленный!

Громко люди говорят: — Больной!

К постоянным для Семеновского темам (русская природа, любовь, искусство) прибавляются новые. Их подсказывает сама жизнь. Семеновский пишет о колхозном урожае, о Мичурине и его последователях, о палешанах, о «Челюскине» (о девочке Карине, родившейся в Карском море), о Пушкине, о Горьком, о нашем индустриальном Иванове, о советских ткачах, которыми «ткется новых дней узорная парча».

Уже в первые после революции годы Семеновский, так же, как Есенин, соединяет два, тогда казавшиеся несоединенными, понятия: «Русь» и «Советская». Теперь, особенно в годы Великой Отечественной войны, для многих стало понятным: это единое и нераздельное—Русь и Советы. Семеновский органически ощущает новое и традиционное как в быту, так и в идеологии. Его стихи 30-х годов — о переустройстве мира, о новых людях, о новом советском быте. В некоторых стихах этого цикла немало риторики, дидактики или того, что Блок назвал «насвященностью». Надо учесть, что поэт в эти годы много ищет. Новое вино не хочется ему держать в старых мехах. Основная задача, которую он

ставит перед собой, — показать строителя нового мира, человека — творца, человека, по-настоящему любившего труд.

«Человек — это мысль, устремленная в вечность», — говорит Семеновский в одном из своих старых стихотворений. Это удачный афоризм. Человек, о котором шла речь, ощущался как возможность. Ныне же чаемое стало сущим, такой человек стал реальностью, таких людей стало много. На тему «Великие маленькие люди» Семеновский написал поэму «Сад». Ее герой — ивановский садовод-опытник Ф. А. Самцов. В годы гражданской войны он начал огородничать. Мало-помалу его огород превратился в удивительный сад. В нем вызревал виноград, росли баклажаны, распускались неведомые северу цветы. К тому же Самцов изобретал земледельческие машины. Семеновский изложил биографию Самцова в стихах. Алексей Максимович предложил ему дать для журнала «Колхозник» биографию Самцова, в которой проза шла бы попеременно со стихами. Поэтическому очерку Семеновского Горький предпослал в «Колхознике» свое небольшое предисловие, в котором говорит о возможностях нового жанра и горячо рекомендует опыт Дмитрия Николаевича.

«Люди умирают, а человек бессмертен», — в этих мудрых словах — ключ ко всей поэме. Дело человека, творчество его — бессмертны. Труд у нас в стране Советов стал делом чести и доблести. Об этом говорит поэма. Жизнь героя описана, быть может, излишне подробно. Но в тексте разбросано много ярких образов, самоцветных слов, тонких наблюдений.

Стихотворный перевод «Слова о полку Игореве» Семеновского — произведение во многих отношениях примечательное и должно быть отнесено нами к ряду известных уже в русской поэзии транскрипций замечательного памятника нашей древней литературы. Тонкое знание старинного русского искусства и фольклора помогло Семеновскому, не впадая в сусальность и в сухой академизм, поэтически верно и интересно прочесть «Слово». В давнем стихотворении «Аленушка» мы почувствовали тонкую и лукавую кисть русского сказочника. Возможно, Дмитрий Николаевич порадует нас еще и другими произведениями в этом роде.

Органическое чувство русской речи — одна из самых привлекательных его черт. «Немногие из современных поэтов, — говорит Горький, — могут похвалиться таким знанием русского языка, ка-

ким обладает Семеновский, хотя они, наверное, превосходят его ловкостью своей техники и знанием речевых фокусов». Семеновский проявляет большой вкус и смелость и в выборе слов и в их расположении. О нем можно сказать: он не столько «пользуется» языком, сколько растет из него. Поэт многие годы тратит на поиски единственно-нужного слова. Так рождается афористичность — предельная точность изображения. У Семеновского — в лучших его вещах — есть эта тяга к афористичности. Слово у него — трепетное, родниковое, самоцветное. За ним ощущается любовь поэта к родной земле, любовь не отвлеченная, «умственная», а живая, от сердца, от полноты чувств.

В зрелую пору поэт-жизнелюб, преодолев разнохарактерные влияния, пришел к стиху ясному, прозрачному, легкому (нет, не облегченному!). Не постесняемся сказать, что он пришел к классическому стиху. До Семеновского дошел немеркнущий свет поэтов пушкинской плеяды: Тютчева, Баратынского, Фета, Некрасова и стихотворцев его школы.

Семеновский — поэт, развитие которого шло медленно, но верно. Сейчас он переживает пору расцвета, и от него можно ждать новых и но-

вых удач. «Он — поэт настоящий, от земли, — поэт, которого должен знать наш массовый читатель». Эти слова Горького остаются в силе.

Есть поэты, которые, работая в стороне от литературных дискуссий и споров, тем не менее, живут жизнью своего народа, радуются его радостям, болеют его болью. Семеновский работает не на виду, но честно и самозабвенно. Раздававшийся в дни войны голос его не терялся в общем хоре голосов. Его можно было легко отличить.

В эту книгу избранных стихов вошли произведения разных лет. По ним можно проследить творческий путь поэта, по-своему свежо и проникновенно сказавшего о вечно старой, как мир, вечно новой, как этот день, истине: «мир — хорош».

Лев Озеров.

РОДИНА

Снова май разноцветным убором
Нашу сторону скромно украсил,
Улыбнулся полям, косогорам,
Зазвенел бубенцами у прясел.

Я люблю эту робкую пору —
Крылья весен зеленых над Русью.
Льну душой к полевому простору
Со слезами и сладкою грустью.

И целую лесные дороги,
Будто влажные девичьи губы.
Милый край мой, и светлый,
и строгий,
Как мне зори весенние любви!

Что ни утро, вдали горделиво
Заревое взвивается знамя —
Знак, что времени тучная нива
Вскодосится счастливыми днями.

Все мне шепчет о доле хорошей.
Крепко верю березам плакучим,
Луговине, цветами поросшей,
И пахучему ветру и тучам.

Верю северным тихим просторам,
Покачнувшимся островам прясел
И всему, что непрочным убором
Май-кудесник непышно украсил.

1913

ВСЕ — ТЕБЕ

Я теплою жизнь свою во имя
Твоей печальной красоты.
Заря — над далями твоими,
Но тяжким сном почила ты.

Твоею опечален долей,
Я об одном тебе молюсь:
За тихий рай твоих раздолий,
О, дай и мне сражаться, Русь.

И в светлый полк меня причисли
Распятых за поля твои.
Тебе — вся жизнь моя и мысли.
И песни робкие мои

1913

* * *

Поляна, пни, пугливые осинки
Да горькая зеленая трава,
В траве — цветы, как пестрые
  косынки, —
Не этим ли любовь моя жива?

Прошел пастух, играя на свирели.
Задумчиво пропели голоса.
А травы потемнели, посырели.
Тиха заря. Звонка, тепла роса.

Дрожат на листьях чистые росинки,
Дрожит звезда под берегом реки.
На берегу, как смятые косынки,
Цветочные пестреют островки.

1913

* * *

Поле. Кашка с медуницей,
Комья вспаханной земли.
Солнце вечера жар-птицей
Задремало на ели.

Кто там камни, пенья крушит,
Пишет борозды сохой —
Дикие равнины рушит
Стороны моей глухой?

Черны срезанные пласты,
Тихи шорохи сохи.
Солнце село в ельник частый
На сухие мхи.

Поразвесило над бором
Огнеперый пышный хвост.
Все-то полем, все простором
Ходит ратай вдоль борозд.

На руках его мозоли,
А кобылка не мудра,
Да проходит в чистом поле
До заката от утра.

Всходят звезды. Ходит ратай.
Пахнет мятой с пустыря.
Хмур и грозен бор зубчатый,
Меркнет свет-заря.

1912

ГАРМОНИКА

Хороши ромашки на поле,
Краше девичий наряд:
С шеи бусинки закапали,
Ленты заревом горят.

Шарфы желтые и синие —
Нежно сотканые сны —
Легковейней, паутиннее
Одуванчиков весны.

По селу звенит гармоника.
Все село поет-орет.
Даже дед столетний с коника
Слез и выполз на народ.

Полно охать да сутулиться!
Весел праздник у села.
Растревоженная улица
Голуба, желта, ала.

Парни ходят и бахвалятся.
Липнут к девкам. Каждый—франт:
Картузы с затылков валятся,
На груди трепещет бант.

Девки быстрым глазом косятся,
Мрут сердца у молодцов:
— Кабы ястребом наброситься,
Впитаться в ротик бы пунцов!

Месяц встал над луговинами,
Задымилася роса.
За лобастыми овинами
Притаилися леса.

Пахнет медом, пахнет мятою.
В небе много тихих свеч.
Над сырой травой примятою
Слышишь ласковую речь?

Видишь с милыми голубятся,
Низко клонятся в цветы?
Так люби ж, покуда любится,
В ночи летние и ты!

1913

КИТАЙЧОНОК

О, чужбина с зимою морозной и длинной,
С непонятной молвой, с безучастной толпой!
Нудный труд в городской суетне муравьиной
И слепые копейки подачки скупой!

Вот он в чайной туманной неловко

приплясывает,

Заунывною песней о солнце тужа,
И бросает, и ловит, и снова подбрасывает
В синь табачного чада четыре ножа.

В думах — синие реки и рощи Китая,
Золотой гаолян и усталая мать.

Он крепился, домашний порог покидая,
И сумел закипавшие слезы унять.

Плакать — после... О, скука глухая, отчаянная!
Далека материнского поля межа.

Равнодушно шумит запотевшая чайная,
И мелькают, мелькают четыре ножа.

* * *

Леса с болотами да топями,
Где притаилась тишина,
Где ели выстроились копиями, —
Грустна ты, наша сторона.

Но все же под лучами майскими
Ты в светлый рядишься убор
И рядишь цветиками райскими
Леса, луга и склоны гор.

Туманы белые и тонкие
Твой смуглый умывают лик,
И будит перелески звонкие
Кукушек вещей переклик.

Мне радостна весна короткая,
Весна печальная твоя, —
И звездная улыбка кроткая,
И в роще песня соловья,

И росный пар над луговинами,
Когда по избам бродит сон,
И всходит к звездам за овинами
Сторожевой протяжный звон.

1914

* * *

То не жар ли птица
Нароняла пуха
Под окном у нас?
Дробно серебрится
И сверкает сухо
Непримятый наст.

В инее мохнатом
Призраки-березы
Стынут у дорог.
Тихо по раскатам
Тянутся обозы,
Жжется ветерок.

В месячные ночи
Выманит из дома
Переливный блеск, —
Сиверко жесточе,
Голубее дрема
И грознее лес.

На дворе к скотине,
К курам на нашесте
Крадется мороз.
Белым пухом иней
На коровьей шерсти
За вечер нарос.

Гляну в час полночный
Из-под занавески
В мерзлое окно:
Под луной молочной,
Все в алмазном блеске,
Стелется гумно.

Тихо, ясно, глухо.
И опять приснится
В этот поздний час:
То краса жар-птица
Нароняла пуха
Под окном у нас.

1916

СКАЗКА

*(К картине Рериха „За морями —
земли великие“).*

Не синие грозные кручи,
Не крылья стоголового змея, —
Над морем тяжелые тучи
Зарю задавили, немея.
Царевна с пустынного взморья
Глядит на небесные взгорья.

Узка полоса золотая,
Бескрайно вечернее море.
Судов чернокрылая стая
Летит на туманном просторе.
И мнится: то — черные враны
Уносятся в дальние страны.

И кличет царевна: «О, птицы,
Помчите меня над туманом
За синего моря границы

К великим неизвестным странам!..» —
И руки свои простирает
Туда, где заря догорает.

Стремительны девичьи взоры,
Протяжные речи, как песни.
Цветут зарукавья узоры,
Горят самоцветные перстни,
И хитрую вязью заткана
Литая парча сарафана.

Слетаются чайки на вече,
Воззванью певучему внимля.
Далече, далече, далече
За морем — великие земли.
Там солнце впотьмах задремало,
Там всяких диковин немало.

И долго с пустынного берега
Взирает на тучи царевна.
К ней ластятся волны с разбега,
Смеются и ропщут плачевно.
И гаснут ненастные зори
Над ширью холодного моря.

АЛЕНУШКА

Козленочек у синих вод
Седой трясет бородкою,
Из темной глубины зовет
Свою сестрицу кроткую.
Она лежит на дне морском,
Златым засыпана песком.

— Покинь, покинь морскую глубь,
Всплыви, сестрица, с донушка.
Меньшого братца приголубь,
Красавица Аленушка.
Лихая мачеха со зла
Зарезать вздумала козла.

Горят огни горючие,
Кипят котлы кипучие.
Кипят котлы, горят костры,
Булат о камни точится,
И нет со мной души-сестры,
А помирать не хочется! —

И слабый горестный ответ
Ему из моря слышится:
— Иванушка, мне мочи нет,
Кругом вода колышется.
Вверху на шелковой волне
Качаются суденышки,
И тошно мне лежать на дне,
И скучно мне, Аленушке.

Моя коса перевита
Морской зеленой тиною,
И пропадает красота,
Взята в полон пучиною.
Мне не видать красы земной,
Не всплыть на солнце рыбкою.
На шее — камень. Он со мной
В пучину кинут зыбкую.
А грудь мою сосет змея
И острым жалом жалится, —
И злая мачеха моя
Над сиротой не сжалится.

1916

ТОВАРИЩ

Весенним дыханьем, нежданно и ново,
Меж нами промчалось заветное слово,
Заветное имя одно:

— Товарищ! —

Как песня звучит нам оно.

То песня во славу труда-миродержца,
То мост, переброшенный к сердцу от
сердца,

То братьям от братьев привет

— Товарищ! —

Прекрасней воззвания нет.

Из темных подвалов, из глуби подполья
Помчалось оно на простор, на раздолья
Кипящих толпой площадей.

— Товарищ! —

То — новое имя людей.

Лучистее взгляды, смелее улыбки.
И кажется: майским сиянием зыбким
Вся жизнь озарилась до дна.

— Товарищ! —

Мы — сила, мы — воля одна!

1917

СХОДКА

Перелески, овражки, овины,
Пояса полевых изгород.
Как цветы посреди лужавины,
На селе собирался народ.

Билось красное знамя — жар-птица,
Словно пчелы, гудело в толпе:
— Нам, товарищи, надо сплотиться,
Как усатым колосьям в снопе!..

Не с похмелья, не с бражного пиря
Затянул грамотей-паренек:
«Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног».

Заливались девки, как птицы.
Будто ленты, вились голоса.
За зеленой парчей яровицы
Откликались на песню леса.

Полыхало над улицей знамя,
Дружно пел на привольи народ,
И, овеяны вешними снами,
Перелески гремели: «вперед!».

1917

КАРУСЕЛЬ

Не базар, а муравейник!
Беспризорная коза,
Баба, дед, фигляр-затейник
Разом ломятся в глаза.

Смотрят с завистью мальчишки,
Возле пышечной толпясь,
Как заглатывает «вспышки»
Чья-то розовая пасть.

Все от пыли порусели —
Даже чистильщик сапог!
Вкруг узорной карусели
Завился людской венок.

Ах, наряден, ах, неистов
Удалой круговорот!
Пара хмурых гармонистов
Веера гармошек рвет.

Бахрома, парча, дерюга —
Все вскипелось в пестрый вихрь.
Пляска бабочек иль вьюга?
Листья ль мчатся? Тени ль их?

Не поймешь. Струисто блещет
Сумасшедшее кольцо.
Пыльный ветер так и хлещет
В загорелое лицо.

К чорту все! Сверкай и лейся,
Разухабистая трель.
Зыбче пенься, шибче вейся,
Карусельная метель!

Шатко площадь заходила:
— Помирать не миновать.
«Сама садик я садила,
Сама буду поливать...».

1917

Потоплю глаза в густой лазури.
Мир — хорош. Душа весны — синя.
Русые свои ресницы жмуря,
Солнце загляделось на меня.

Я богат и грустью и весельем,
Да и все-то нынче — богачи.
На березе виснут ожерельем
Черные пузатые грачи.

Ни на чем не сыщешь зимней хмури.
Горячо дрожат ресницы дня.
Потоплю глаза в густой лазури.
Мир — хорош. Душа весны — синя.

1918

* * *

Изгородь, горбатое гуменце,
Придорожной елочки шатер.
Заскучал о ландышах, о солнце
Полевой обветренный простор.
Милый север! Как же много значит
Он, пригожий, сердцу моему!
И, светясь улыбкой, сердце плачет,—
Отчего, не знаю, не пойму.
Оттого ль, что небеса туманны
Или жалко мне родных седин?
Оттого ль, что май благоуханный
Я опять приветствую один?
Я — один, и мне еще дороже
Горьким дымом веющий костер,
Тишина пустынных придорожий,
Облака да ветряный простор.

1918

НАВОЗНИЦА

Подумал о золоте жита,
И двор — уж не двор, а дворец,
Телега парчею покрыта,
А хлев — драгоценный ларец.
Мы грабим разломанный ларчик,
Вонзая железо в навоз, —
И мерину с кличкою «Карчик»
Нет мочи вытягивать воз.
Звенит и кусается овод,
Свистит и кусается кнут,
Напрягся над гривною повод,
И давит на плечи хомут.
А ну, не плошай! Перевозим
Весь двор на распаханый пласт, —
И дружно поднимется озимь
И хлеба работникам даст.

1919

ПОДРУГЕ

Я шлю улыбку грусти нежной
Твоим рукам неугомонным.
О, пощади их, друг прилежный,
Дай отдохнуть глазам бессонным!
Не ты ли целый день томилась
Среди фабричной духоты?
Зачем же вечером склонилась
Над бельевым корытом ты?

Суббота. Кончена работа.
Ко всем приходит отдых сладкий,
Лишь ты должна, гоня дремоту,
К одежде пришивать заплатки.
Ты подкрепиться сном не хочешь,
Как будто он тебе во вред:
Все суетишься, все хлопчешь,
Губя весны своей расцвет.

И в воскресенье, в день покоя
И беззаботных развлечений,
Ты шьешь иль, у корыта стоя,
Стираешь до поры вечерней.
Вот солнце огнекрылой птицей
Садится спать в туманный луг,
А ты, мой друг, чулок и спицы
Не смеешь выпустить из рук.

1919

С ЕВРЕЙСКОГО

Если я умру, не печалься, милый,
И, пока земля надо мной свежа,
Шумно расплесни над моей могилой
Алую хоругвь, знамя мятежа.

Спой в последний раз песнь освобожденья,
Что будила в нас мужество и гнев.
В этот гимн борьбы, в это песнопенье
Влит кандалный звон, влит оков напев.

И когда его кованые звуки
Долетят ко мне под могильный кров, —
О, с какой тоской заломлю я руки,
Как заплачу я над судьбой рабов!

Но за звуком звук стихнет, замирая.
Каменной плитой ляжет тишина.
Вдруг — вздохнет земля, задрожит, сырая,
Грохотом глухим загудит она.

Это закипел бой освобождения,
Это мой народ цепи рвет в бою.
И воспряну я. И под гул сраженья
Гордый гимн борьбы громко запою.

Если я умру, не грусти, мой милый,
И, пока земля надо мной свежа,
Шумно распахни над моей могилой
Алую хоругвь, крылья мятежа.

1918

СУЛАМИФЬ

I

Я сплю, но в безмятежном сне
Не хочет сердце позабыться.
Чу, милый молит в тишине:
— Открой мне двери, голубица!

Уже на лилиях давно
Тьма голубая опочила.
Густых кудрей моих руно
Роса ночная омочила!

Но я одежды дня сняла —
Как одеваться ночью стану?
Омыла ноги и легла —
Как с ложа девственного встану?

Любимый мой в тиши ночной
Стучит в преддверие чертога —

И грудь мою волной речной
Вздымает бурная тревога.

Я поднялась на громкий стук,
Вся — трепет ужаса и счастья.
Во мраке мирра каплет с рук,
Бряцают звонкие запястья.

Поспешно вход открыла я,
Мой друг вступил за мною следом —
И, все забыв, душа моя
Слилась с его блаженным бредом.

II

О, люби меня, мой нежный друг, —
Как печать, на сердце положи
И кольцом нерасторжимых рук
Стройный стан мой тесно окружи.

Будто смерть, любовь моя крепка,
Будто ад, мне душу ревность жжет.
Не зальет огня любви река,
Не погасит вал великих вод.

И когда бы алчущий любви
Все добро давал за этот пыл,
Ты его счастливым не зови:
О, жестоко б он осмеян был!

* * *

Я знаю, что солнце, веселое солнце,
Сияет во всем, обитает во всех.
Зимой засверкает в алмазном оконце,
Под осень затеплится в рыжем овсе.
Оно переплавилось в колос и волос,
Оно притаилось во всяком из нас,
Оно остриями лучей прокололось
Из карих и серых девических глаз.
Я вижу его над своими путями,
Я с солнцем встаю, я под солнцем живу.
Сливаюсь с лучами, листьями, цветами,
Влюбляюсь в людей и тянусь в синеву.
• Когда же дышать и желать перестану,
Меня золотистым засыплют песком,
Но, кажется, я и тогда не устану
Тянуться под солнце упрямым ростком.

ЖИМОЛОСТЬ

Высокая и тоненькая жимолость,
Как только листопада дождалась,
Туманами да изморосью вымылась
И в розовые серьги убралась.

Они дрожат, осенним днем расплавлены.
От них сияет каждая лоза.
В их розовое злато кем-то вправлены
Вороньи черные глаза.

1919

ПОЛЕВЫЕ КОРАБЛИ

I

Обоз иль флот судов крылатых
Выносятся из-за холма?
На выбоинах и раскатах
Поматывается корма.

Как парус, криво накренилось
Нахлестки острое крыло.
Уж за лесами схоронилось
В сугроб осевшее село.

С протяжным голосистым воем
Скользят полозья вдоль колеи.
Волнистым искристым прибоем
Снега уходят в даль полей.

В насквозь просвистанных халатах,
Неведомые моряки,

На кораблях своих крылатых
Посиживают ездоки.

Крепчает ветерок попутный,
Дорога снежная кипит
И ловит, ловит в пене мутной
Касанья кованных копыт.

II

Роня мерзлые иголки,
Косматой вьюгой обуян,
Кораблик придорожной елки
Плывет в сугробный океан.

Уже снесло с вершины стройной
Косым крылом мелькнувший флаг,
И расплескался парус хвойный
В кипящий бурей мутный мрак.

Но пусть метели пьяной пляска
До утра кипятит поля, —
Крепка смолистая оснастка
Игольчатого корабля.

Он ни морозов не боится,
Ни сумасшедших непогод,
И тьмой застигнутая птица
Вновь у него ночлег найдет.

РУКИ

О, бедные израненные руки,
Весь день вам нет покоя ни на час.
За черный труд, за ссадины, за муки
Я мысленно благословляю вас.

Срывать бы вам фиалки в теплых росах,
Свивать бы вам венки из васильков,
Свезать бы вам со струн среброголосых
Пугливый рой созвучий-мотыльков.

Вы — два цветка. Вы — крылья птицы
Сирин.

Но смят цветок. Надломлено крыло.
Ваш каждый перст исколот, исковырян,
Их лепестки узлами жил свело.

О, жесткие ладони страстотерпца,
Настанет миг — погаснет жар в крови,

Учи

И вас навек соединят у сердца,
Не знавшего ни счастья, ни любви.

Нет! Трижды нет! Окрепшие в работе,
Вы буйственно перевернете мир.
Вы звездный клир на землю низведете,
Голодного усадите за пир.

На том пиру увяжутся венками
Угрюмые морщинистые лбы.
И мирно вы сдружитесь с васильками,
О, дочери работы и борьбы.

1920

* * *

Здравствуй, отеческий кров
С негой родного гнезда.
В кружеве черных дерев
Бабочкой бьется звезда.

Дымчатой кошкой сугроб
Ластится молча к ногам.
В петлях запутанных троп
Сумерки никнут к снегам.

Мир вам, звезда, тишина
И серебристая гладь!
У голубого окна
Ивою клонится мать.

Дружеской доброй молвой
Чудятся вздохи коров.
Смутен простор снеговой,
Тепел отеческий кров.

1920

* * *

Величьем самоотверженья
Ты украсилась, как венцом,
Оделась в порфиру доброты
и терпенья
И кротко царствуешь в сердце моем.
Близок твой вечер, но, не ведая лени,
Ты всегда за работой и лишь на миг
Утомленно присядешь, пролив на
колени

Ручьи усталых рук своих.
Какими чарами приневолю
Улыбнуться и расцвести
Твою заплаканную долю,
Твои тернистые пути?
И в дни тревог, осененный крылами
Твоей заботливой любви,
Я недостойными стихами
Пою многотрудные будни твои.

1921

Всем нам, всем — цветам,
деревьям, людям —
Для любви раскрыться суждено.
Мы цветом, мы теплимся, мы любим
И, любя, сливаемся в одно.

Я — такой же, как побеги мая,
Как подснежник, вспыхнувший у пня.
Оттого влюбленность молодая
Сладко взволновала и меня.

Вслед восставшим из земли
растеньям,
Вслед зеленой ветке и лучу
Затаенным солнечным цветеньем
Я дрожать, я пениться хочу.

Звезды, звезды! Счастлив, кто
полюбит,
Чьей душе опять дано цвести.

Лунный свет еще нежней голубит
Каждый камень на его пути.

Млечный путь склонился к полю
ниже,
И в тревожной вешней тишине
Сердце мироздания бьется ближе,—
Может быть, в тебе или во мне.

1922

ГОРЫ

Голубые далекие горы,
Ледяные крутые кремли,
К вам летят неотступные взоры
Сына северной ровной земли.

Тихо дремлете вы, исполины,
В сизой дымке, в загадочной мгле.
Что вам снится под клекот орлиный:
Прометей, пригвожденный к скале?

Или демон над каменной кручей,
Осенивший ущелье крылом, —
Очи, мукой горящие жгучей,
Уст обугленных скорбный излом?

Как чалмами, обвиты снегами
И изгибами облачных лент,
Вы земле навевали веками
Сны высокие вещей легенд.

О, пахните на вешнего гостя
Вечным холодом вашей зимы.
Как в родные ржаные колосья,
Он влюблен в снеговые чалмы,

Струи чистой суровой прохлады
Влейте в майскую негу земли,
Сестры туч, голубые громады,
Братья гроз, ледяные кремли!

1922

* * *

Так тихо, что кажется: вымер
Заклязьменский древний простор,
Как встарь, златовратый Владимир
Глядит с зеленеющих гор.

Тускнеет древесное золото,
Клубится осенняя мгла.
На этих высотах когда-то
Я много оставил тепла.

И нынче пришел я проститься
С туманом той нежной поры.
Далекое время мне снится,
Далеко мне видно с горы,

1923

* * *

Цепенеет дорога,
Рыжий лес молчалив,
И тосклив перелив
Медногорлого рога.

Заскучали о снеге
Зеленя за избой.
Только старой телеге
Снится май голубой.

1923

СЛАВА — ЗЛОБЕ

В дни отрочества теплым летом
Душе раскрывшейся моей
Блеснула путеводным светом
Мечта о счастье всех людей.

И, опалив негодованьем,
Вошел мне в сердце дух вражды
К людским невздам и страданьям,
К твердыням горя и нужды.

Есть мир гармонии и лада,
Но чтоб найти к нему пути,
Сквозь мрачный хаос жизни надо
Знамена гнева пронести.

Мне тяжело, когда подобя
Людей зверям, слепая кровь
Темнит их взор, но — слава злобе,
Воинствующей за любовь.

ЛУНА

Сиянье полнолунья
Течет в вечерней мгле.
Чаруй, луна-колдунья,
Живущих на земле!

Над миром, еле зримым,
Где стерты грань и цвет,
Голубоватым дымом
Скользит волшебный свет.

Таинственно-неясный,
Он словно шепчет мне
О дальней, о прекрасной
Счастливой стороне.

Гляжу, как льется-льется
Голубоватый свет, —
И снова сердце бьется,
Как в восемнадцать лет.

1923

ЛЕНИН

Зерно, в сырой земле почив,
Ростком из мрака проколосось,
И на просторе светлых нив
Зазолотился первый колос.

Он умер, вождь народных масс,
Людского горя враг суровый,
Но мысль его в умах у нас
Рождает всходы правды новой.

Придет пора всемирных жатв —
Пора обилия и света —
И под серпами задрожат
Колосья золотого лета.

1924

* * *

Милый друг, половину души
Я оставил в любимой глуши.
Там зимой до рассвета встают,
Днем работают, песни поют.

А железная ночь долга,
Небо в звездах течет на снега.
Легким инеем опушены
Голубые ресницы сосны.

Небо звездное, лес и снега,
Сердцу ваша краса дорога,
И в потоке стремительных дней
Я люблю вас нежней и больней.

1924

ДОРОГА

Дребезжанье тарантаса,
Тоши, гати, пни...
Солнце — выше час от часа,
И смелей слепни.

В туче пыли у дороги
Около колес
Одуванчик тонконогий
Точит пух волос.

И, дивясь на тучу пыли
И на тарантас,
Широко цветы раскрыли
Веки нежных глаз.

Ходят полем конь и пахарь,
Застя край небес,
И поет-бормочет бахарь —
Стоязычный лес.

Пробежала деревушка.
Снова — ни души.
Бубенцом звенит кукушка
В потайной глуши.

Чу, плывет он, звон плачевный,
Из конца в конец, —
И дрожит молвой напевной
Сердце-бубенец:

— О, привет вам, лес и нива
И цветов семья!
Будь богата и счастлива,
Родина моя!

1926

* * *

О, грустный покой предвечерья!
Темны дорогие места,
И падают, падают перья
С отрепанных крыльев куста.

По мокрой земле без дороги
Забывшее прясло бредет.
Споткнется на старые ноги
И, где привелось, упадет.

И выются ползучие травы,
И брызжут дожди, хороня
Жердей сучковатых суставы —
Скелет полевого коня.

Скучна ты, ненастная осень,
Но сердце к тебе прижилось,
Как неба свинцовая осинь —
К полыни пустынных полос,

Мне больно за рвы, за лощины,
За небо в тяжелом свинце.
Так ранят нам душу морщины
На милом увядшем лице.

И как на лицо в ореоле
Седеющих дымных волос,
С любовью до боли, до слез
Гляжу я на мглистое поле,
На жесткую жниву полос.

1926

* * *

Гуденье церковной меди
Над городом плывет.
Прохожий несет к обедне
Тяжелый комод-живот.

Степенны его движенья —
Видать, что не кое-кто.
На сытом лице уваженье
К себе, к животу, к пальто.

В своих двухэтажных покаях
Живет он, как жил, без затей.
Казнит клопов на обоях,
Сечет на досуге детей.

Дрожит за свои пожитки, —
И вечером, в семь часов,
Вставляет в скобу калитки
Скрипучий тугой засов.

И ставни на окна, и веки
Опущены на глаза.
Вот так он уснет навеки
И ляжет под образа.

Его отпоют по чину.
Соседками окружена,
Безвременную кончину
Умело отплатит жена.

Спи с миром, как спал многократно.
Ты в жизни оставил след:
Клопиные бурые пятна —
Свидетельство скромных побед.

1926

* * *

Стоит жить на белом свете, —
Мир воистину хорош.

Синь тиха, подпасок-ветер
В перелески гонит рожь.

Залетит в кустарник частый,
В паутинный холодок,
И с березки голенастой
Рвет истрепанный платок.

Я шатаюсь у опушек,
Музу светлую зову,
С грустью слушаю кукушек
Заунывную молву.

Милы мне земные шири.
Стоит жить! И жить затем,
Чтобы счастье в этом мире,
Как весна, пришло ко всем.

1926

ОБ ОДНОЙ ЛЮБВИ

Радугу неги весенней,
Ласк, отравляющих кровь,
Ревности, клятв, уверений —
Назвали словом: любовь.

Эта — не мучила ревностью,
Эта — любила без клятв.
Лишь неизменной верностью
Цвел обожающий взгляд.

Эта — за мной ходила,
Словно вторая тень.
Эта — с меня не сводила
Глаз золотых весь день.

Может, сладчайшее счастье
В том, чтоб лежать у ног
Или вдвоем сквозь ненастье
Слушать охотничий рог.

Шли мы опавшими листьями.
По лесу — шопот и хруст.
Осень мехами лисьими
Кутала каждый куст.

Я уезжал — и скука
Ей застилала свет.
Жаль, что была она сука,
Жаль, что ее уже нет.

Жалко, что выстрел меткий
С брызгами крови отряс,
Будто с поникшей ветки,
Спелые ягоды глаз.

Люди мне дороги. Кровно,
Крепко я слит с людьми,
Но вспоминаю любовно.
И о собачьей любви.

1926

* * *

В эту ночь ручьев звенящих,
В праздник водополи пенной
Бьется трепетней и чаще
Сердце вечное вселенной.

Всюду — в близком и далеком:
В звездах, в теплом дуновеньи,
В ветках лип, набухших соком,
Узнаю его биенье.

Нынче тонкая дремота
Черный сад заколдовала,
Нынче сердце у кого-то
Звонким жаворонком стало.

Над безудержным кипеньем
Серебристого разлива
Упоительным смятеньем
Чья-то молодость счастлива.

Нынче вновь звучит, как гусли,
Речь доверчивых признаний,
И глядит с улыбкой грусти
Старость в даль воспоминаний.

Возрожденной жизни сила
Пенит кровь, потоки будит.
Так всегда на свете было,
Так всегда на свете будет.

1926

КРАЖА

Жила в прислугах — качала детей.
Уставала от стирки, стряпни, беготни.
Скупая хозяйка давала ей
Та обед и на ужин объедки одни.

Одна у нее и радость была —
Думать, что скоро поедет домой;
Ведь, уже немало обнов зажила:
Платье, гамаши, платок с бахромой.

Платок был узорен, как летом — гумно,
Охапкой цветов он пестрел в сундуке,
А платье... лазурью блестело оно.
Сам ластился ластик к жесткой руке.

Ах, как же этот небесный цвет
Пристанет к румяной ее красе.
Как в сладком чаду деревенских бесед
Ее красотой залюбуются все!

А там и сваты приедут за ней:
— У вас, мол, товар, а у нас — казна...
Так, лежа на тощей подстилке своей,
Туманно и жадно мечтала она.

И вот... сундуком ее вор завладел,
Наряды украл и радость унес.
Кружилась потом в карусели дел,
И все перед ней расплывалось от слез

А в небе весна с журавлями плыла
И манила в поля догонять облака.
Нарядна была в переулке ветла,
Нарядна без бус, без платка-летунка.

Хорошо по весне красоваться ветле.
Ей май для обнов шелковинки прядет.
А нам-то, а нам, как цвести на земле?
Какая весна к человеку придет?

В дороге и наша людская весна.
Она уж свивает за нитью нить.
Дыша трудовым вдохновеньем, она,
Как невесту, собирает жизнь нарядить.

Она и прислугам в заветный сундук
Положит уборы такой красоты,

Что от зависти к ним затуманится луг,
Вздохнут и поникнут лесные цветы.

Славься же, замысел века, — спрясть
Основу новую счастья для всех,
Чтоб некому было ни плакать, ни красть
Чужих нарядов, чужих утех.

1927

Он сказал: — Если облик земли
хорош,
То и жизнь пусть будет хорошая!

Шли легкие годы. Будто во сне,
Он рос под отцовским кровом,
Набухая, как почки берез по весне,
Текучим песенным словом.

И вот—этот город. Кирпичный дом.
Гулкая, как колокол, лестница.
Высокая комната с шатким столом.
Свет электрического месяца.

Городские совы, золотари,
Гремят по улице бочками,
А он, глашатай певучей зари,
Все клонит лицо над строчками.

Худая легла на бумагу рука —
И с шелестом в поле бумажном
Светлой фиалкой распускается
строка
О самом дорогом и важном.

Глуха, безответна ночная тишь,
Лишь ветви мащут в окошки.

Где-то в углу осторожная мышь
Грызет случайные крошки.

Бредит дитя, ровно дышит жена,
Любимая, верная, бедная!
Совсем, ну, совсем еще девушка
она,
А какая усталая, бледная!

Ситцевое платье, уронив рукава,
Струится рядом с кроватью, —
И шепчет он рожденные сердцем
слова
Голубому ситцевому платью:

«Увядший, осмеянный, втоптаный
в пыль,
Я так рад, что живу на свете,
Что жидких волос моих легкий
КОВЫЛЬ
Ласкают солнце и ветер.

Чем жизнь на меня наседает
лютей,
Чем горче мои потери,
Тем злей ненавижу я муки людей,
Тем ближе мне птицы и звери.

Земля, люблю твой прекрасный
наряд.

Люди, люблю вас стыдливо.

И взгляд звезды и девический
взгляд

Чаруют меня, как диво.

И эту рассветную синеву

Я встречаю словом. привета

И счастье на долы земные зову,

Как ливень — в сухое лето».

1927

* * *

Неуловимо из-под ног
Уходит снег аэродрома,
И сердце в трепетный комок
Сжимает сладкая истома.

Все ниже падает она,
Земли родимая громада,
Все ближе синяя страна,
Все гуще синяя прохлада.

Но—выше, выше в небеса!
Нам облака теперь—соседи.
Вдали косматые леса
Ворочаются, как медведи.

Зияет бездна пустоты,
Но где ты, темный голос страха?
Все новой жаждет высоты
Прах, оторвавшийся от праха.

Пока во мне сияет мысль,
Пока по жилам кровь струится,
Пусть никогда вперед и ввысь
Не перестану я стремиться.

1928

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР

Какая бодрая тревога
Сменила мертвенный покой!
Проваливается дорога
Под осторожную ногой.
Как в этот оттепельный вечер
Ручьев подснежных звучен бег,
Как дышит молодостью ветер,
Как пахнет молодостью снег!

Былых обманов навожденья
Не властны над моей душой,
Но светлой тайне возрожденья
Я в этот вечер — не чужой.
Душе созревшей, возмужалой,
Как прежде, радостны они, —
Созвездий трепетных огни
И колеи дороги талой.

1930

* * *

Юных глаз счастливое сиянье
И волненья радостного дрожь,
Как заветное воспоминанье,
Ты всегда в душе моей найдешь.

Помнишь: увидала, подбежала,
Хорошея сердцем и лицом,
И сияла взором и дрожала
Молодым сквозистым деревцом?

И недаром в том правдивом взоре
Так душа играла и цвела:
На любовь, на радость и на горе
Нежную ты руку мне дала.

В дни сомнений, в дни разубверений
Вспоминал я, милая, не раз
Трепет твой безудержный, весенний
И сиянье необманных глаз.

И когда на ложный путь разлада
Мы сбивались, счастья не храня,
Свет того девического взгляда
Возвращал тебе всего меня.

Дни летят. Весна сменилась летом,
В листьях плод таится золотой.
Ты лучишься новым ровным
светом —
Материнства теплой красотой.

1930.

* * *

Вот и май с соловьиными звонами,
Засверкали в полях лемеха.
И, бренча бубенцами зелеными,
Запрокинулась в пляске ольха.

Вновь брожу я лесными полянами,
Снова даль загрузила по мне.
За ночными речными туманами
Скачет удаль на вихре-коне.

В эти ночи, в теплынь комариную
Все гляжу я, к былинкам припав,
Как заря раскидалась калиною,
Как речной задымился рукав.

Пусть рассвет с непогодою
встретится,
В мокрых ветках и тучах седых
Та же прелесть весенняя светится
Нежных сил и надежд молодых.

1930.

ПЕРЕД УТРОМ

Перед утром в больничной палате
Тише стоны, невнятное бред,
И бледней озаряет кровати
Электрической лампочки свет.

О, бессонное око «светланы»! —
Немигающий пристальный взгляд,
В этом свете, как знойные раны,
Воспаленные веки горят.

Перед утром в больничной палате
Электричество гаснет, и вот
Час забвения, час благодати
В дом страданий неслышно идет.

Ранам глаз так отрадна прохлада
Зимней смутной предутренней мглы.
За окном — неподвижного сада
Зачернели кривые стволы.

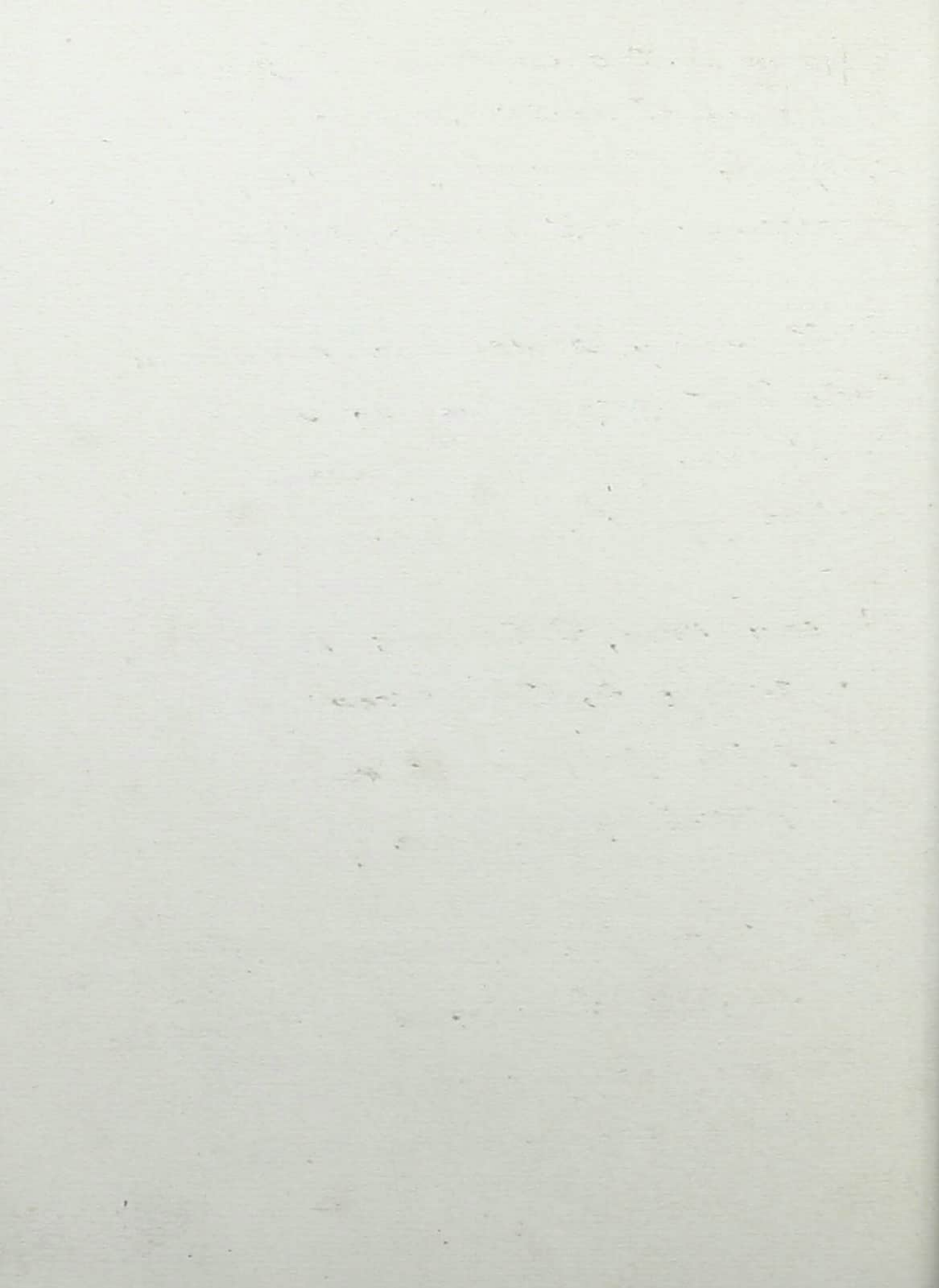
Вот и май с соловьиными звонами
Засверкали в полях лещеха
И, брэнга бубенцами зелеными,
Запрокинулся в пляске ольха

Вновь оковы я лесными полянами,
Снова даль загрузила по мне
За ногными ретными туманами
Скалет удал на вихре-конь.

В эти ноги, в пеплынь колапиную.
Все гляжу я, к блязничкам прилав,
Как заря раскидалась кощнои,
Как ретной задохнулся рукав

Пусть рассвет с непогодью встретится
В мокрах ветках и тугах седых
Тя же предесть весенняя светится
Нержных сил и надежд холодах

Дм Семеновский

* * *

Состарилось лето. Лежит на припеке,
Лежит на пригорке у тына.
Обрюзгли цыганские смуглые щеки,
А в жестких кудрях — паутина.
Состарилось лето. И больше не надо
Ни песен, ни страстных томлений:
Уж ходит за тыном пора звездопада
И звонкой прохлады осенней.

Брусника-грустника под синей осиной
Давно уж успела налиться.
Кленовый листок на поляну гусиной
Отрубленной лапой ложится.
И скоро под утро колючая проседь
В траве забелеет осенней.
Состарилось лето. А сердце все просит
И песен, и гроз, и волнений.

1932

КАРИНА

Не на теплой ласковой земле,
Где по рощам пенится калина, —
На большом могучем корабле
В Карском море родилась Карина.
В первый раз в пустынном царстве
льда,

В царстве вечного оцепененья,
Трепетная вспыхнула звезда,
Просняла жизнь лучом рожденья.

Погибал «Челюскин». Сжатый льдом,
Он тонул в прожорливой пучине.
Льдина людям заменила дом,
Заменила колыбель Карине.
И страдая в ледяном плену,
Каждый знал, что в Арктике
студеной
Сделалось теплее на одну
Маленькую жизнь новорожденной.

Отпевала путников пурга,
Вихрилась, косматая, шаманом.
Дули ветры в гулкие рога,
Накликая оттепель с туманом.
Мир огромным сердцем холодел
За удел людей на хрупкой льдине.
И, как мать, страна великих дел
Думала о маленькой Карине.

Ласточкой промчался самолет.
Как чиста, уютна в нем кабина!
Плавный взлет—и вот полярный лед,
Синий лед покинула Карина.
Небо, море, горы, города,
Люди, флаги, льющиеся зыбко,
Дедова густая борода
И в морщинках добрая улыбка.

Так расти же, подрастай скорей
Стеблем поднимающихся всходов,
Уроженка северных морей,
Спутница отважных мореходов!
Будь, как эти люди. Не клони
Головы своей перед бедою,
Сильная душою, как они,
Будь готова и к труду и к бою!

1932

УРОЖАЙ

Пора листопада, пора звездопада.
Последние бусы теряет рябина.
Плодами высокого синего сада
Срываются звезды за гребень овина.

Из хвои рассыпанной выскочил рыжик.
Глядит на тропинку: как тихо, как
пусто!
Пустуют и гряды. Ледком кочерыжек
Хрустят ребятишки: «Как сахар,
капуста!»

От свежего хлеба в избе духовито.
Копной на поляне — коврига на блюде.
И льется на мельницах новое жито,
И новою радостью светятся люди.

А дни все короче, а ночи все глуше,
И скоро земля забелеет порошей.

У деда — полати, а внучке Феклуше
Гореть-разгораться над книжкой хорошей.

О, зимний покой! В созревании сада
Всю силу свою истощила природа.
Пора звездопада, пора снегопада
Замкнула кольцо пережитого года.

1932 г.

ЕФИМУ ВИХРЕВУ

По тропинкам мягким да зеленым
Мы пришли на Люлех — до утра
Пировать над голубым затоном,
Ночевать у дымного костра.

О, покой июльского заката!
Остывала киноварь зари,
Не плескались в заводи щурята,
Задремали в тине пескари.

Побелели росные покосы,
И ольха-русалка над рекой
Выжимала листовенные косы
Тонкою девической рукой.

А у нас качался мак багряный,
Жаркий мак над хворостом сухим,
И ковер поэмы цветотканной
Развернул пред нами ты, Ефим.

Полон ты стихов молвой певучей,
Как родник — студеным серебром,
Ищешь ты соцветий и созвучий,
Кисть и краски породнив с пером.

Светит песня в золоте и лаке
Хитрой вязью, сказочной травой.
Ты — поэт, и золотые злаки
Одеваешь золотой молвой.

Зацветает Палех чудным садом.
Яркий, сладкий, взрывчатый расцвет!
Он никем так чутко не отгадан
И с такой любовью не воспет.

Жизнь была бы глуше и суровой,
Красотой и радостью — бедней,
Если б в красках, линиях и слове
Мы себя не отдавали ей.

1933

ХУДОЖНИКИ

Слыли когда-то они богомазами,
Та миновала пора.
В домиках сельских под старыми вязами
Тихо живут мастера.

Мчится ль по улице выюжная конница,
Блещут ли летние дни, —
Самозабвенно к столам своим клонятся
В комнатах белых они.

В блюдцах разбитых растворено золото,
Разведено серебро.
В чашках игрушечных, в ложках
расколотых
Светятся краски пестро.

Тонкая кисть осторожно касается
Маленькой черной доски —
И по квадрату ее разбегаются
Волн, облаков завитки.

Борется с бурей корабль белопарусный,
Быстрые чайки летят.
Битва взвивается вьюгою яростной,
Стрелы и копыя блестят.

Песни с преданьями, с мудрыми
сказками,
Будней и праздников круг —
Все одевается свежими красками,
Как расцветающий дуг.

Палех, нарядного моря жемчужина,
Холуй, село-самоцвет,
Капли стихии, что громом разбужена
Незабываемых лет!

Радуга красок, коробочки мстерские,
Теплый отсвет старины!
Страны далекие, страны заморские
В вашу красу влюблены.

Пусть же по краскам доски лакированной,
По переливам ларца
Будет разгадывать взор очарованный
Душу народа-творца.

1933.

ПАЛЕХ

Под сумрачным кровом в суровом быту
Заботливо вынянчил ты красоту.

И в мир, освеженный дыханием гроз,
Как радугу, в темных ладонях принес.

Тебе, самоцветной красы колыбель,
Дивятся столицы заморских земель,

И знатные гости из дальних сторон,
Как данники, едут к тебе на поклон.

Ты пахаря пищешь с сохой золотой
И жницу в колосьях пшеницы густой.

Игрою твоих прихотливых затей
В парчу переплавилось лыко лаптей.

И смиренный Гнедко пред родной бороздой
Гордится богатой шлеей и уздой.

Твоей изощренной прилежной рукой
Невидимо водит художник другой.

Тот славный художник—советский народ,
Он новую жизнь на Руси создает.

Его мастерская — шестая земли.
Сады на картине его расцвели.

В пустынных краях вознеслись города,
Свет молний помчали в село провода.

И пыл вдохновенной работы его
Сливается с пылом труда твоего.

Недаром на пашню, на пот пролитой
Ты кисточкой сводишь венец золотой.

Недаром колосья и волосы жниц
Пылятся лучами рублевских божниц.

В тех жарких лучах, в их горячей пыли
Тобой утверждается правда земли —

Величие маленьких жизней и дел
И право людей на счастливый удел.

1933,

АРТЕЛЬ

Когда нагрянет сенокос
С его веселой канителью,
Они идут по бусам рос
Гуськом на Люлах всей артелью.

Идут простором полевым
Среди вечеровых туманов.
Как вождь, дорогу кажет им
Иван Михайлович Баканов.

Он сединами убелен,
Он сух и легок, но бодрится.
В его глазах синее лен,
В устах травинка золотится.

Сменило кисточку косье
В руке, узором жил расшитой,
Водой струится лезвие
Косы старательно отбитой.

Всю ночь на Люлех от костра
Потоки искр летят метелью.
Ученики и мастера
Уху готовят всей артелью.

А после тостов и ухи
Над отуманенным простором
Ефима Вихрева стихи
Они поют могучим хором.

Далеко льются над рекой
Напевы удалой ватаги.
Их буйство темною рукой
Смиряет Алексей Ватагин.

Дымятся головни костра,
Дымятся розовые плесы.
Ученики и мастера
Встают и звонко точат косы.

Луга красуются кругом
В персидских драгоценных шалях.
Тепло. Ворчит далекий гром.
Идет гроза. Белеет Палех.

А в праздничные вечера,
Приняв степенную осанку,

Ученики и мастера
Идут в Заводы на гулянку.

На сине-розовом лугу
Под сенью хвойных великанов
В певучем движется кругу
Иван Михайлович Баканов.

Вишневым солнцем озарен,
Краса узорчатых гулянок,
Он ходит, как Анакреон,
Среди пригожих палешанок.

Да, вот смотрите, он каков!
А хороводный круг просторен,
Весельем светится Зубков,
Хмельною удалью Буторин.

Как в дни июля на покос,
Как в мае к песням и веселью,
Они под гром и трепет гроз
Пришли в искусство всей артелью.

На гребне пенистой волны
Их вынес океан народный

Из сокровенной глубины
Своей пучины многоводной.

Во все края, во все концы
От Скандинавии до Явы
О них бормочут бубенцы
Всемирной, громкой, яркой славы.

1935

ЦВЕТЫ

«Наберу разных полевых цветов и пишу картину... На первый взгляд у меня получается букет цветов, а когда взглядишь — тут бой или гулянка».

Иван Голиков.

Толпой видений обуян,
Шагал он морем трав несметных —
Художник Голиков Иван,
Создатель вихрей пышноцветных.

Сухой, с колючками усов,
Горячим удивленным взором
Смотрел он в сизый дым лесов
Над разбежавшимся простором.

Сбирал смолистую дрему,
Срывал пунцовые гвоздики —
И все мерещились ему
Далекой битвы гул и крики.

Тот век не прошумит опять,
То время накрепко забыто,
Когда ржаных раздолий гладь
Топтали дикие копыта.

Вдыхая нив зажженных гарь,
Пугливо мчались кони в сечу.
С веселой яростью дикарь
Стремил копье врагу навстречу.

Все миновало. И в местах,
Где силу истребляла сила,
На истлевающих костях
Земля свои цветы взрастила.

Корнями трав обвит булат,
Товарищ грозного разгула,
А позолота праздных лат
На одуванчиках блеснула.

И, верно, из людских сердец,
Пронзенных в страшном поединке,
Возносит кашка свой венец,
Гвоздика—лепестков кровинки.

Кругом — покой. И ни одно
Над полем зарево не взвито.

Тот век прошел давным-давно,
То время накрепко забыто.

Но человек с пучком цветов,
В руке коричневой зажатых,
Так ясно видел строй щитов
И слышал пенье стрел пернатых.

И в краски светлых летних сил,
В красу июньского цветенья
Он прихотливо нарядил
В мечте возникшие виденья.

О, вихрь цветов! Татарский щит
Круглится венчиком ромашки,
Созревшим колосом блестит
Клинок, не знающий промашки.

Соцветьем яркого венка
Пылают вздыбленные кони,
Один — синее василька,
Другой — как лютик на прогоне.

И лучезарный ореол
Июньской неги и покоя
Под вещей кистью перецвел
В кипучий смерч степного боя.

ЛУКОМОРЬЕ

*Палешанину
Д. Н. Буторину.*

Надев измятую фуражку,
Идешь задворками к реке.
Пальто и сердце — нараспашку,
Ведерко с удочкой в руке.

Ты сядешь под ольхой прибрежной,
Где тень от листьев так сладка,
И остановишь взгляд прилежный
На желтой пробке поплавка.

Луга туманом обольются,
Засвищут косы по траве.
Куском фаянсового блюда
Луна проступит в синеве.

Пройдут с покоса палешане,
Прогонят стадо пастухи—

И к берегам реки в тумане
Подступят сказки и стихи.

Под лунной тонкой паутиной,
Заткавшей тихие плеса,
Все будет чудиться за тиной
Большая пышная коса.

И Люлех струйкой среброзвонной
Вздохнет, как стрункой, под кустом:
«У лукоморья — дуб зеленый,
Златая цепь — на дубе том»...

Сгорят за днями-дни. И сказки,
Что колыхались над рекой,
Ты, мастер, в золото и краски
Оденешь колдовской рукой.

Прибой о берег волны вспенит,
Русалка выплывет из вод,
Ученый кот очки наденет
И речь под дубом поведет.

Но кто поймет, что в этих дивах
Заговорившего холста —

Родных полей, туманов сивых
Сквозит и дышит красота?

Кто в дубе сказочном узнает
Тень от ольхи на берегу,
А в лукоморьи угадает
Крутую Люлеха дугу?

1935

ЗАПУСТЕНИЕ

Вымерзли в подпечьи тараканы,
Вьет гнездо в трубе холодной галка.
Подорожником, вьюном ползучим
Затянуло под окном тропинку.

Заросли травой и могилы
Тех, чья жизнь прошла под этой
кровлей.

Их шаги и голоса навеки
Смыты тишиною заустенья.

Их заботы, радости и скорби —
Где они? Рассеялись в пространстве
Или стали, может быть, душою
Этих стен обжитых, постаревших?

Нет ответа. Только сверху на пол
Вдруг земля посыплется с шуршаньем,
Словно кто-то легкими ногами
По настилу потолка ступает.

* * *

Земляника душистая сплошь
Окатила подножия роц.
Черника, куда ни пойдешь,
Закапала кочки, как дождь.

И пальцы и губы твои —
В их липкой лиловой крови.
На плечи загаром легла
Благодать золотого тепла.

По душе нам с тобою пришлись
Эти сечи, поляны, палы,
Просторная блеклая высь,
Тонконогих березок стволы.

Звон кузнечиков легок и сух.
Он, как песня, ласкает нам слух.
Эту песню июльскую мы
Вспомним в синем затишьи зимы.

Вспомним поля медовую сушь,
Мхов лесных голубое шитье,
Шмеля придорожного плюш, —
Все летнее счастье свое.

И долго, и долго, мой друг,
В дни седые морозов и вьюг
С наших рук и сердец не сойдет
Знойных дней золотистый налет.

И бодро пойдем мы с тобой
Под легкую ношей труда,
Как шли васильковой тропой
В даль, где леса темнела гряда.

1934

МАТЬ

Узкой стала ситцевая блузка,
Желтизна легла у губ, а всё ж
Облик твой прекрасен, ибо миру
Будущее ты в себе несешь.

И когда походкой осторожной
Ты одна идешь куда-нибудь,
Все тебе от мала до велика
Уступают путь.

Вечер. Лампа с белым абажуром.
Ты склонилась возле над шитьем.
Теплые покоятся отсветы
На проборе, на лице твоём.

Молча шьешь—и все одно и то же,
Все одно и то же на уме:
—Кто-то он, живущий возле сердца
В бережливой тьме?

Матери Колумба, Пушкина и Маркса,
Верно, про себя шептали то ж:
— Кто-то он, живущий возле сердца?
На кого похож?

Может быть, и ты родишь поэта
Иль народного любимого вождя.
Ветром по устам твое провеет имя,
Благодарность и восторг будя.

Или дочка у тебя родится —
Обаянья твоего двойник,
Гордая праматерь сильных и
счастливых,
Нежности родник.

И огромный день,
когда в родильном доме
Напрягалась ты от боли, как
струна,
Праздничными флагами отметит
Вся твоя страна.

Капля человеческого моря,
Незаметная среди других,
Будешь ты вознесена высоко
В помыслах людских.

И великий праздник материнства,
Светлый праздник радости твоей,
Увенчает ореолом славы
Тысячи безвестных матерей.

1935

* * *

Пахнет порубь спелой земляникой,
Караваем пахнет борозда.
Хороша ты, ширь земли великой,
Красотой и правдою труда.

По утрам обильны, сильны росы.
Пестрый луг приволен и кудряв.
Влажным блеском отливают косы,
Подрезая стебли сочных трав.

А подвечер луг—в высоких копнах.
Хмелен сена горьковатый дух,
Звонки восклицанья расторопных
Мастериц уборки — молодух.

Ломкие запутались былинки
В их бровях и легких волосах,
Солнечные жаркие пылинки
В зорких загораются глазах.

Чу, скрипят тележные колеса!
Это поймы розовая гладь
Шлет колхозу первый дар покоса —
Мятой, медом пахнущую кладь.

Как гора, она в сарае ляжет,
До конька достанет сеновал.
Не напрасно заливную пажить
Грело солнце, ветер целовал.

В полдень тени коротки и резки,
Горяча тропинка меж хлебов.
Ждут посевы ливней. Перелески
Ждут тумана, вестника грибов.

И — дожди спускаются столбами,
И сияют радуги вдали
Над садами, рощами, хлебами,
Над простором всей родной земли.

Хороши ее равнин уголья,
И вдвойне прекрасны дни, когда
В щедрости земного плодородья
Дышит радость дружного труда.

1937

* * *

Все убрано к сроку. В отаве гуменной
Застряла солома.

И стелется поле, как пол подметенный
Просторного дома.

Недаром вставали с румяным рассветом,
Недаром на ниве
До позднего часа работали летом
В горячем порыве.

В пахучих сараях и житницах полных —
Несметные клады.

И только склонился созревший
подсолнух
На низкие гряды.

И пчелы набрали в янтарные соты
Прозрачного меда,

И радость успеха венчает заботы
И труд садовода.

В прогалинах сосен — высокая просинь,
Все — в праздничном блеске.
Богатая гостья, погожая осень,
Стоит в перелеске.

1937

ЮРЬЕВЕЦ

I

Поднимись по тропинке на темя высокой горы,
Встань у края обрыва
И взгляни, как за Волгой лугов разлетелись
ковры,
Как лесная раскинулась грива.

И мечтой улетаю туда, где туманы легли,
К полным тайны и сумрака борам, —
Ты вздохни всей громадой воды и цветущей
земли,
Всем великим простором.

Ты поймешь, отчего здесь народ так могуч и
красив,
Как нагорные сосны красивы,
Отчего здесь и песни безбрежны, как Волга в
разлив,
И людские порывы.

Если б крылья тебе, вольной чайкой помчалась
бы ты

В эти синие дали.

Лес такой васильковый, раздолье такой широты
Лишь во сне мы видали.

Веет ветер медвяный из синей счастливой
страны,

Машут лапами сосны,

И звенят наши души, как две однозвучных
струны,

Под лесной разговор стоголосный.

II

А внизу, пред подножием глинисто-рыжих
холмов,

Полон бодрого гула,

Расстилагется Юрьевец лентой садов и домов,
Унжа к Волге прильнула.

О, каких эта ширь не навеет видений и дум!
Вспомнишь древние были.

Вот по этим тропинкам ступал протопоп

Аввакум,

Здесь и меч и пожары народную силу губили.

Здесь, раздев бедняка, разживались казною
купцы,
Бурлаки, надрываясь, тянули баржей караваны.
Та пора отошла. Заживают бывшего рубцы,
Закрываются прежние раны.

Посмотри: из прохладно-зеленой лесной темноты,
Из разбуженных недр захолустья
Быстроходная Унжа несет смоляные плиты
На раздолье веселого устья.

Лесопилка-оса над поволжской звенит шириной,
И скликают рабочих заводы.
Не княжой, не купеческий — новый, иной
Город смотрится в светлые воды.

Голубые дворцы пароходов плывут по реке,
Веют флаги, так празднично-ярки.
Крылья чаек блестят. Быстрый катер бежит
налегке,
Тихо тянутся грузные барки.

А когда от заката зардеют края облаков
И тепло озарятся крутые откосы,
Как торжественно песни густых пароходных
гудков
Оглашают притихшие плесы!

ГОРЬКИЙ

I

К талым пашням разбуженной Руси,
К быстринам взбунтовавшихся рек
Возвращаются ласточки, гуси,
Славя вешний разгул и разбег.
Вслед за стаями их издалека
Буревестник могучий летит.
На опушках лесных — поволока,
Серебрятся сережки ракит.

Много солнца в далеком Сорренто,
Но родней и дороже страна,
Где былинного Волхова лента
В большевистский бетон вплетена,
Где и люди на светлом просторе
Дружно тронулись полой водой,
Где в сердцах загораются зори,
Бродят силы земли молодой.

В праздничном призвании поэта
Утверждал уверенно меня.

И бродя по солнечным пригоркам,
Узких тропок меряя тесьму,
Благодарно думал я о Горьком,
Льнул к его душевному письму.

Он вернулся из страны изгнанья.
Теплой дымкой север был одет,
Но теплей апрельского сиянья
Мне мерцал его улыбки свет.

Есть слова, что мы на сердце
носим,
Есть минуты, что забыть нельзя...
Шла война, — уж во вторую осень
Пролегла кровавая стезя.

Я опять пришел к его порогу —
В сумрак финских сосен и болот:
Видел я в глазах его тревогу
За отчизну, за родной народ.

Долго лампа на столе горела.
Он писал, как на Руси живут.

Затаив дыханье, ночь смотрела
На его подвижнический труд.

Нет его. Горой гнетет утрата,
Но любовно я в груди таю
Те лучи, которые когда-то
Озарили молодость мою.

И с его напутствием сердечным
Звонче песня, легче трудный путь,
И к его страницам человечным
Никогда не перестанешь льнуть.

1937

ПУШКИН

На всех наречьях нашего Союза
Торжественно беседует она,
Пленительная пушкинская муза,
И простоты и мудрости полна.

Она поет с колхозниками в поле
О том, как буря кроет небо мглой.
Ее молва звучит в театре, в школе,
Повсюду отзвук находя живой.

И в эту пору пышного расцвета
Всех сил твоих, родимая страна,
Восходит к светлой памяти поэта
Восторга всенародного волна.

И, чудной силой побеждая время,
Нам слух чарует сладостный привет
Его стихов волшебных: «Здравствуй,
племя
Младое, незнакомое!..» О, нет,

Пускай меж ним и нашим поколеньем
Легла столетья плотная стена,
Он всем своим крылатым вдохновеньем
Живет средь нас, бессмертный, как
весна.

К огню калмыка, к очагу тунгуза,
Под сень шатра и хаты мирный кров
Приходит гостя, пушкинская муза,
С отрадой упоительных стихов.

1937

ШКОЛЬНИКИ

В лиловом предутреннем свете
Мелькает воронье крыло.
Бегут деревенские дети
По вехам еловым в село.

Всю ночь хлопотала метелица,
В сугробах пропала тропа,
Но все еще мелется, мелется,
Шурша, снеговая крупа.

Да выюга ребятам помеха ли?
Смелей подступает рассвет.
Вон розвальни чьи-то проехали,
Извилистый вычертив след.

Пусть небо ненастное мутно,
А северный ветер суров, —
Какое веселое утро
Лучится в глазах школяров!

Как пчелы на пажить за взятком,
Спешат они к школьным дверям —
Склоняться к раскрытым тетрадкам,
К задачкам и букварям.

Какого чудесного смысла,
Манящей какой новизны
Все буквы, картинки и числа
Полны для их свежей весны!

И этой дороги извивы,
Метель и сугробы по грудь —
Нелегкий, а все же счастливый,
Нелегкий, но радостный путь.

1937

* * *

Прошла пора, когда
Задумчивый русоголовый мальчик
С миндалинами длинных темных глаз,
Едва дыша, смотрел заворожено
На бабочек порхающих, — казались
Они ему воздушными цветами.
Как тихо он подкрадывался к ним,
Как бережно держал в неплотно сжатых
Ладонях эти странные цветы!
Однажды он увидел на тропинке
Умершего сухого мотылька
И, взяв его за радужные крылья,
Воскликнул грустно: — Бабочка увяла!—
Еще совсем недавно он открыл,
Что все живое на земле, достигнув
Вершины роста, блекнет, исчезает,
Что маленькие люди постепенно
Становятся большими, а затем
Перестают существовать. О, нет,

Он не желал расстаться с этим миром,
Великим и манящим. — Я хочу
Быть карликом, — сказал однажды он, —
Чтоб вечно жить на свете!

Милый мальчик,

Ты не остался карликом, ты стал
Высоким, тонким, словно юный тополь.
Ты вырос и душой: все выше, выше
Восходишь по ступенькам школьных
знаний,

И все смелее, слаще и нежней
Поет твоя отзывчивая скрипка
В нарядном зале Дома пионеров.
И осенью, вернувшись из деревни,
Ты по царапине на раме ширмы
Спешишь узнать, на сколько ты подрос
За дни каникул? Или понял ты,
Почувствовал, что жить на свете —
значит

Стремиться ввысь, как травы и деревья,
К пылающему сердцу жизни — солнцу?

1940

* * *

Мягкая голубизна рассвета, —
Это сны сгустились над землей.
Чистым снегом улица одета
И повита ласковою мглой.

Закрывают фонари устало
Очи натруженные свои.
Как синё, как тихо в мире стало!
Все застыло в чутком забытьи.

Снег иль цвет одел деревья пышно?
За окном январь стоит иль май?
Весь в зеленых молниях, неслышно
Проплывает сказочный трамвай.

Ранние прохожие, как тени,
В снежную уходят синеву.
О, пора волшебных навождений,
Смутных сновидений наяву!

ГОРДОСТЬ

Плечист, круглолиц, в завитом парике,
Наш Пиндар и первый российский ученый.
Стоял он с торжественной одой в руке
В толпе, наполнявшей чертог золоченый.

Чужим он казался толпе и чужих
Он чувствовал в этих сановных придворных.
Терпеть он не мог, холмогорский мужик,
Их рабских манер, их улыбок притворных.

Презрен, кто душою и словом кривит
Корысти иль страха постыдного ради,
И жалок, убог вдохновенный пиит
В личине шута, в скоморошьем наряде.

Пусть ведают отпрыски знатных кровей:
Не шут и не будет шутлом Ломоносов,
Сиянием северным мысли своей
Прославивший снежную родину россов.

Прекрасную гордость берег он в душе.
«Не токмо, — писал он, — у знати надменной
Я быть не хочу дураком, но ниже
У господа бога, владыки вселенной».

Вся Русь говорила устами его,
Весь черный народ, сквозь века униженья
Пронесший по безднам пути своего
Заветы свободы и чести внушенья.

1940

ВСТРЕЧА

Над блеклыми равнинами России,
Над потускневшей сумрачной Москвой
Те дни свинцовой пылью моросили,
Те ночи веяли тоской.

Такой тоской, что в ком-то гнула вера
И в свет зари и в майский ветерок,
И кто-то, ствол короткий револьвера
В зубах зажав, спускал курок.

И что ни день, на кладбища и в морги
Везли полудетей с сердцами стариков.
И что ни ночь, угаром диких оргий
Чадили недра модных кабаков.

В театре властвовал жестокий гений,
Что заглянул на дно души людской.
Шли «Бесы», сея мрак больных внушений
Искусства силой колдовской.

Не этого сердца людские ждали,
Иных они просили снов и слов.
И вот из синей, из каприйской дали
До нас тревожный голос донесло.

Сердечный, глубоко-проникновенный,
Тот голос звал Москву и всю страну
Поднять навстречу мрачным чарам сцены
Протеста бурную волну.

Тогда в народном университете
Я был несмелым, диким новичком.
Скучал о теплом дружеском привете,
Но не встречал его пока ни в ком.

И вдруг в опромном зале лекционном
Кричу я людям, страх переломив,
Что мы должны, как струны стройным звоном,
Откликнуться на горьковский призыв.

Что после лекций буду я в читальне
С листом для подписей к протесту. Лист
Покамест был, как снег зимы недалней,
Так девственно, так идеально чист.

Увы, таким же безупречно-чистым,
Как первый снег, остался он и впредь,

Нет, не был я оратором речистым,
Нет, не умел я голосом греметь.

Один лишь человек в ответ на вызов
Ко мне в читальне подошел, сказав:
— Я за протест... меня зовут Гибизов...
Конечно, Горький совершенно прав...

Темноволосый, статный, он по крови
Был осетином. Вижу, как сейчас,
Его густые сросшиеся брови
И мягкий взгляд немного грустных глаз.

Та встреча нитью неразрывной связи
Скрепила нас. И часто с этих пор
Он говорил со мною о Кавказе,
О красоте своих любимых гор.

О том, как он с запасом скудной пищи
Уходит в край, где гнезда выют орлы,
Где звезды ближе, ясный воздух чище,
И чуток сон под кровлею скалы.

А то рассказывал предания и сказки,
Которые его народ сложил.
Мы шли по улице. Совсем не по-кавказски
Кругом многоэтажный город жил.

Он лил свои огни во мрак осенний,
Трубил безустали в гранитный рог,
На пир ночных нечистых наслаждений
Скликая роскошь, пошлость и порок.

И спутник мой темнел от созерцанья
Видений городского шабаша,
И благородной нотой отрицанья
Звенела в нем высокая душа.

Нет, не мирился он с житейской скверной,
Не мог вдыхать ее растленный чад, —
Вершинам белым гор кавказских верный,
Дышавший воздухом их вековых громад.

Он за зиму устал и похудел, а к лету
На родину поехал. В этот год
Была война объявлена, — планету
Кровавый завертел круговорот.

Потом народный гнев, изжитый мир ломая,
Из края в край страну грозой потряс.
Но стихли вихри бурь — и в синий вечер мая
Я, замирая, увидал Кавказ.

Как я любил, покинув санаторий,
В час утренних лучей и росных бус

Глядеть с утеса в теплый дым предгорий,
Искать глазами розовый Эльбрус.

Там, у подножья гор, в туманах сизых,
Лежало осетинское село.

Туда уехал Темболат Гибизов,
Туда, к нему, давно меня влекло.

Быть может дома он? С приветным словом
С порога он сойдет и улыбнется мне.
Но не было его ни под домашним кровом,
Ни на горах, ни в дальней стороне.

Нигде, нигде... Мне не забыть рассказа,
Как воин-осетин по горным крутизнам
За власть труда для всех племен Кавказа
Вел в битву горсть усталых партизан.

И как меньшевики их окружили,
Как командир и все его бойцы
В неравной битве головы сложили
На каменные мшистые зубцы.

И много лет уж нет его на свете,
Но яркий он оставил в жизни след,
И в каждом осетинском сельсовете
Покажут путнику его портрет.

Как над повитой сумраком долиной
Вершин высоких розовеет лед,
Так подвига его порыв орлиный
Над бездною забвения встает.

1941

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Долго шли мы сечами, полями.
Ветерок трепал вихры овса.
Хмурыми широкими бровями
Синие вдали сошлись леса.

Как морщинка тихой, долгой думы,
Пролегла лощинка по полям.
На холме под лиственные шумы
Прислонились избы к тополям.

И томима красотою этой,
— Милая земля! — сказала ты
И поцеловала прах нагретый,
Тонкие былинки и цветы.

Красота лица земного с детства
Дорога нам, но и до сих пор
Мы не можем вдоволь наглядеться
На широкий северный простор.

Любим зиму, радуемся лету,
Росту злаков, ягод и грибов,
И утратим только с жизнью эту
Теплую и верную любовь.

1941

Тяжка была монгольская неволя,
Но не согнулся богатырь-народ
И сквозь века пришел путем

невзгод

К победным стягам Куликова поля.
Сберег он русской речи серебро,
Свои обычай, свои поля и гумна,
И горе тем, кто посягнет безумно
На жизнь его, свободу и добро!

1941

НЕЛЮДЬ

Все пожирая жадно, все топча
Слепым копытом, сапогом тяжелым,
Они ползли, ползли, как саранча,
По нашим взгорьям и широким
долам.

Еще в ушах гремит их грузный шаг,
Еще в ночном молчаньи кабинета
Все мечется безумный их вожак,
Бессонницей томимый до рассвета.

Он сделал их машинами войны,
Послушными во всем его внушеньям,
И души их до дна развращены
Его нечеловеческим ученьем.

Глашатай мрачной ядовитой лжи,
Он возвестил, что совесть —
пережиток.

Но срок настал: они обречены,
И гибель их уже неотвратима.

О, пусть утрат неисчислимых боль
В нас разжигает ненависти пламя!
О, пусть полки могучих за собой
Ведет любви воинствующей знамя!

Быть человеком — значит быть
бойцом

И в недруга вернее, метче целить,
Чтоб истребить железом и свинцом
Двуногую взбесившуюся нелюдь.

1942

ВОЗМЕЗДИЕ

В огне, в руинах Кенигсберг.
Грохочут взрывы. Мститель ярый
Железный гром жестокой кары
На кузницу войны низверг.
От зыбких зарев город розов,
А грозная ночная твердь
Под рев крылатых бомбовозов
Все шлет ему огонь и смерть.

Чем заняты сейчас они,
Те господа, чей сговор черный
Толкал планету так упорно
В орбиту мировой резни?
Те торгаши, чей беспощадный
Холодный деловой расчет
По грудь в крови дорогой страдной
Народы бешено влечет?

Под гул воздушных кораблей,
Под сокрушительные взрывы

Что снится им, рабам наживы:
Трофеи новых прибылей?
Иль тень густая, что покрыла
Предвестьем близкого конца
Тот мир, где властвует горилла
С осанкой важною дельца?

В любой норе, в любой щели
Настигнет страшный час отмщенья
Фанатиков обогащенья,
Корыстных палачей земли.
Та разрушительная сила,
Чей сон встревожили они,
На них же гневно обратила
Свои разящие огни.

1942

В ДОРОГЕ

Всю летнюю ночь не гасла заря над полями,
Всю летнюю ночь ты глаз ни на миг не сомкнула.
Все льнула к окну летевшего в сумрак вагона,
Сама, как заря, светясь, разгораясь мечтами.

Метелью в окне металась багряные искры,
Мелькали кусты, бежали столбы телеграфа.
В ту летнюю ночь была ты счастлива, как птица,
На синий простор сменившая тесную клетку.

Июньский рассвет застал нас в лесу на дороге.
Как пахло вокруг листвою молодой и росистой,
Как бодро мы шли под рокот и свист

соловьиный

По мокрой траве навстречу встававшему солнцу!

1944

ВОЛГА

Славно пахнут пристани на Волге —
Просмоленным деревом, пенькою.
Разливные песни пароходов
По воде разносятся далеко.
Летний день сиял горячим солнцем,
Осведал прохладным влажным
ветром.

С пароходной палубы, открытой
Солнцу, ветру и речной прохладе,
Мы смотрели в дремлющие дали,
В марево полуденного зноя.
Уж давно ушел из глаз гористый
Кинешемский берег. Обгоняли
Мы плотов смолистых вереницы
С бородами богатырями
Из лесного сумрачного края,
Где таятся лоси и медведи.
Как за гусем серые гусыни,
Плыли за буксирным пароходом

Грузные медлительные барки
С домиком игрушечным, с хозяйкой,
Там и сям развесившей на солнце
Мокрое белье. Бежали снизу
Нам навстречу по стеклянной глади
Праздничные белые громады,
Шлейфом расстилая за кормою
Длинную волнистую дорогу.
С криками за ними гнались чайки
И в струистой отражались влаге.

У Николы-Меры по досчатым
Низко прогибающимся сходням,
Торопясь, сошли на берег бабы
В разноцветных ситцевых платочках,
С узелками, с сумками, с мешками,
Мальчик с книжкой, девочка с
корзинкой
И сухой кирпично-загорелый
Дед с косой, завернутой в тряпицу.
И опять, опять тянулись мимо
Бархатные мели, перекаты,
Строгие береговые кручи,
Узкие глубокие овраги
С темной хвоей нестеровских елок,
С белизной березников сквозистых,

Восходящих светлыми толпами
На холмы, покрытые травой.
И опять сменялись деревеньки,
Луговины с круглыми стогами,
Мальчуганы с удочками, лодки,
Пристани, стада у водопоя.

Уж и Решму миновали. Где-то
Впереди, за мглой зовущей дали,
Затаился Юрьеvec-Поволжский
С тихой Унжей, скрытницей лесною.
Хороши вы, города Поволжья!
Теплым летом в легкой дымке утра
Полны вы мерцанья золотого,
Ожерельем огоньков, манящих
Светитесь вы в сумерках закатных.
Хороша ты, труженица-Волга, —
Желтые рассыпчатые косы,
Грудь высокая — волна крутая,
Белые туманы-сарафаны!
Небо было чисто, волны — сини.
На лугах, на островах зеленых
Убирали молодое сено.
И ласкавший наши лица ветер
Веял ароматом сенокоса,
Медом васильков, а нам казалось:

Это — запах васильково-синей
Величаво движущейся влаги,
Это волны Волги обернулись
Синими душистыми цветами.

1944

ТЕНЬ

Тень далекой могилы, как ночь, осенила
Нашу жизнь, наши думы и сны.
Бедным холмиком высится эта могила
Над дымящимся следом войны.
Мы придем преклонить перед нею колени,
Припадем в тишине на траву.
Милый облик нам светит в стране сновидений,
Не обнимем его наяву.
Не увидим сияющих глаз, не расспросим
О войне, о чужой стороне.
Уж не радует нас златокосая осень,
Полны грусти леса по весне.
Длится бой на планете, упорный, жестокий,
Даль бушует кровавой волной,
И зовет нас могильный бугор невысокий
В древний край, опаленный войной.

*
* *

Перекличка писем в край из-края,
Страх, надежды — все оборвалось.
Лишь осталась нам перевитая
Синей лентой прядь его волос.

Не звучать осиротевшей скрипке
В милых гибких и худых руках.
Не сиять застенчивой улыбке
На невинных молодых устах.

Но не надо нам тоской томиться
И хранить в глазах ее печать.
Светлыми любил он наши лица,
Не велел в разлуке нам скучать.

Был и он в суровых буднях светел —
Юный воин с любящей душой.
Мужественно грозный час он встретил,
Совершая подвиг боевой.

Он всегда и всюду будет с нами,
И всегда везде мы будем с ним.
Он придет с изменчивыми снами,
Всколыхнет воспоминаний дым.

Смутны сны, воспоминанья зыбки,
Но всегда нас будут озарять
Тихие лучи его улыбки
И волос рассыпчатая прядь.

1943

* * *

Ветры марта, весны запевалы,
Свой гулкий запев завели.
В облаках засквозили провалы,
Синевой, бирюзой зацвели.

Потемнели тропинок ухабы,
А сугробы слепят белизной.
Знаешь, эта весна была бы
Двадцать первой его весной.

С болью в раненом сердце мы
встретим
Ее отрадный привет.
Не прожить человеку на свете
Без тяжелых утрат и бед.

1945

МАТЬ СОЛДАТСКАЯ

Всю любовь ты отдавала сыну,
Им одним дышала и жила.
В трудную годину
Сына ты отчизне отдала.

Вещим сердцем вдаль к нему летела,
В незнакомый край, в военный стан.
Оградить свое дитя хотела
От лишений, от невзгод и ран.

И когда тебя, как нож, пронзила
Траурная весть,
Где нашла ты силу
Горе перенести?

Как пережила ты
Ночи одинокие, когда
Сердцу сквозь отчаянье утраты
Не светила ни одна звезда?

Не спала ты — думала о сыне.
Был не смят подушек снеговой
сугроб.

Чудилось тебе, что посредине
Мглистой комнаты белеет гроб.

Тихие таинственные звуки
Наполняли опочивший дом.
Виделись тебе худые руки,
Сложенные на груди крестом.

Видела ты мальчика в шинели,
Братскую могилу... Далеко она!
Медленно синели
Щели затемненного окна.

Все смелее лил лучей потоки
Мартовский рассвет.
Ты читала милых писем строки,
Без конца смотрела на портрет.

Целый день к еде не прикасалась.
Утешенья не было нигде.
Только снова, снова ужасалась
Ты своей беде.

Не убила страшная невзгода
Сил души взволнованной твоей.
Стойкая видна в тебе порода
Терпеливых русских матерей.

Все перенесла ты, —
Знала ты, что жить еще должна,
Что под крестной ношею утраты
Никнешь не одна.

Где лекарство для души
скорбящей?

Пусть трудом овевянные дни
Принесут покой тебе бодрящий,
Пусть смягчат печаль твою они.

Хорошо над грядками склоняться,
Молодые пестуя ростки.
Хорошо щекою прижиматься
Хоть к котенку в черный час тоски.

Ты иметь ребенка уж не чаешь,
Но, быть может, радость обрета,
На дорогах жизни повстречаешь
Матери лишенное дитя.

И лучами ласки
Ты согреешь детство сироты.
Снова вспомнишь песенки и сказки,
Что бывало складывала ты.

Добротой и нежностью богаты
Для любви раскрытые сердца.
Матерью была ты,
Матерью и будешь до конца.

1945

САД

Поэма

Пролог

Пригожи вы, расцветшие поля,
И трогательны красотой непрочной.
Летит на вас, морозами паля,
Железный ветер из страны полночной.
Какой тебя, продрогшая земля,
Согреть весной неслыханной, бессрочной?
Мы пылом человеческим своим
Тебя согреем и обогатим.

Природа, в яром хаосе творенья
Увлечена пристрастием слепым,
Весь гений свой, всю силу вдохновенья
Ты отдала тем странам голубым,
Где только нежит ветра дуновенье,
Где сад не знает наших лютых зим,
Там черной почвы могучные недра
Плодов богатство рассыпают щедро.

Пустыню сделать садом! Залучить
В страну морозов южные побеги!
Пусть не боятся снега! Приручить
Балованных детей полдневной неги,
К чужой и жесткой почве приучить
И к вашим стужам, вешние ночлеги,
Когда земля звонка, когда она
Вся инеем крутым посолена!

И в тех местах, где с визгом мчится
вьюга,
Где космами она поля метет,
Наклонятся сады под ношей юга,
Переселенцем Крым сюда придет.
Бессмертен подвиг, велика заслуга —
В снега продвинуть юг! И счастлив тот,
Чья маленькая жизнь до тла сгорела
На праздничном костре большого дела!

И вот Венцов, любитель-садовод,
Как в поисках таинственного клада,
Прилежно роет землю каждый год,
Воспитывает лозы винограда, —
И прежний захудалый огород
Шумит ветвями молодого сада,
Шумит у стен фабричных в дымной мгле
На северной, на пепельной земле.

Весной в саду стоит веселый шопор.
Кусты — в соку и ветки их — в цвету.
Успех не сразу и не даром добыт.
Достался он в бессонницах, в поту.
Венцов искал, накапливая опыт,
Читал, избрав любимой книгу ту,
Листы которой — это листья лета
И лепестки весеннего расцвета.

Он шел враждебным силам вопреки
И обуздал стихий противоборство.
Под натиском настойчивой руки
Сломилось глины скаредной упорство.
Как мотыльки, трепещут лепестки,
Взлелеянные грудью почвы черствой.
Усилиями труда пробуждена,
Счастливой стала матерью она.

И кто попал в зеленый сад Венцова,
Тому все время кажется, что здесь,
Где лето кратко, а зима сурова,
Какое-то второе солнце есть.
Иначе как бы майская обнова
Могла на этих южных ветках цвести?
То человека творческая сила
Бутоны их согрела и раскрыла.

Немолод он, искусный садовод,
Носитель этой силы животворной.
Морщин дорожки. Крепко сжатый рот,
Примета воли твердой и упорной.
Вот он большие ножницы берет
Рукой широкой, от загара черной.
Но в сад приходят люди: — Допусти
Полюбоваться на твои кусты!

И Федор Аникеич без отказа
Ведет гостей среди терновых бус.
Котенок смотрит со скамьи вполглаза.
Готов взорваться вызревший арбуз.
— Вон там цветы из Крыма, с гор Кавказа.
Тут — виноград. И вид неплох и вкус.
Растет спартанцем: не в тепличной холе,
Зимой и летом все на вольной воле.

Как ягоды черемух и рябин,
Здесь фиолетовая зреет слива.
Поражены прищельцы. Вот один
Снял свой картуз. Бела густая грива.
Глядите все: он дожил до седин,
А не видал нигде такого дива.
— Скажи, сынок, скажи, не потаи,
Как ты посадки вырастил свои? —

Венцов глядит спокойно и открыто.
Лукавить он не ловок, не горазд.
Да, чем победа жизни здесь добыта?
Сейчас он им ответ правдивый даст.
Вот тут, в земле, его любовь зарыта,
Его душа легла под этот пласт.
Она трепещет бабочкой цветочной
И в руки грушей отдается сочной.

Его худое темное лицо
Похорошело. Жесткая прохлада
Сквозное обнимает деревцо
Сжигающим дыханьем листопада.
Садятся перед садом на крыльцо,
Ядрен и густ осенний запах сада,
А солнце грузным вызревшим плодом
Тихонько никнет за соседний дом.

Чуть внятно шепчет сад — родоначальник
Других таких же, как и он, садов,
Таких же, как и он, необычайных
В глухом краю снегов и холодов.
Он шелестит, что средь полей печальных
Рассыплется сокровища плодов,
И север неприветливый, холодный
Страною обернется плодородной.

Глава первая

Осенний день. Степных дорог разбег,
Повозки санитарного отряда.
Чу! Воеет воздух. Миг — и меж телег
Обрушилась разящая громада.
И, как пушинка, брошен человек
Освобожденной яростью снаряда,
На придорожье. По лицу ползет
Кровь алой змейкой. Крылья рук —
вразлет.

Еще хлестало по степи свинцовым
Кнутом пальбы, а он лежал в траве
С безжизненным лицом. Крестом
пунцовым
Пылала перевязь на рукаве.
И, как сестра, над Федором Венцовым
Склонилась тишина. И к синеве,
Такой высокой, чистой и бездонной,
Был вскинут взор, по-детски удивленный.

Степь коршунов скликала на тела
И синекрылых воронов манила.
А он лежал. В ушах колокола
Гудели глухо. Кровь траву кропила.

И жизнь о нем со смертью спор вела:
— В нем дремлет неистраченная сила,
Еще не отдал миру он всего,
Чем миг зачатья одарил его!..

Запавшие глаза. Рубец над бровью.
В усах застрял залетный ветерок.
Запятнан шлем засохшей темной кровью,
На сапоги налипла грязь дорог.
Входи смелее под родную кровлю,
Перешагнув истоптанный порог!
Он — позади, путь боевых скитаний,
Путь подвигов и грозных испытаний.

Целуй детей. Снимай свою шинель
В ответ на их растерянные взгляды.
Прислушивайся к чистой тишине
(А как ревели, как рвались снаряды!).
Взгляни в окно на чистую синель
Небес промытых. Посмотри, как рады
Теплыни золотистой воробьи.
Ты — жив. Земля и солнце — вновь твои.

Забытым, милым обступали стены.
Как чей-то глаз, круглился каждый сук.
В пылу хлопот у бабки Аграфены
Все из куриных выпадало рук.

Пропел гудок, пришла жена со смены.
В глазах светился радостный испуг,
А на виске, неясно проступая,
Дрожала-билась жилка голубая.

Скрипел тихонько старый самовар,
Мурлыкала на табуретке кошка,
Цепочками повис на стеклах пар,
Венцов смотрел в туманное окошко
На скользко голубевший тротуар,
На мостовую. — Да, еще немножко —
И оживет среди камней трава,
И опущатся ивы рукава!..

Пил с сахаринном чай и был доволен,
Что воротился после бурь к семье.
Зашел Кузьма Степаныч Барахолин,
Сосед Венцовых. Сидя на скамье,
Допытывался: — В чистую уволен? —
И о своем рассказывал житье:
— Работаю в столовке... сыт покуда...
Ношу помой для свиньи оттуда!..

Он лоснился и сам, как ветчина.
Когда ушел, все в доме были рады.
Венцов стоял среди двора. Весна
Звала копать, пышнить периной пряды,

Бросать горстями в землю семена,
Сажать по ямкам корешки рассады.
— Да, всем двором, отсюда до ворот
Курчавый разбежится огород!

Глава вторая

Апрель — и неумытые окошки
Освободились от ненужных рам.
По вечерам в луче танцуют мошки,
А воробьи толкуют по утрам,
Что на березе — новые сережки,
Что всюду по оттаявшим дворам
С восхода до вишневого заката
Хозяйничает острая лопата.

Как жизнь под вешним солнцем хороша!
Как ветерок похож на чью-то ласку!
Шел Федор Аникеич, не спеша,
По своему зеленому участку.
Шел, сапогом травинки вороша,
Небритый, загорелый, враспояску,
И слушал, как грохочет за двором
Небесная телега — первый гром.

И, поплевав на черствые ладони,
Он сапогом на заступ наступал.

Сгибался, будто в истовом поклоне,
И выпрямлялся. Целину копал!
Ходили куры по гряде в погоне
За скользкими червями. Прилипал
К спине горячей ситец обветшалый,
К сырому лбу — шлем со звездой алой.

Светились одуванчики в траве,
Светились солнцем, пчелами и медом.
Плыл зыбкий пух в прозрачной синеве
Над взрыхленным, над черным огородом.
Почувствовать себя с землей в родстве
И помогать ее могучим родам,
Праматери всех в мире матерей,
Что в дни весны прекрасней и мудрей?

Готовил сруб. Копал канавы, ямы.
И там, где куст сиреневый поник,
Две покосившихся оконных рамы
Образовали маленький парник.
Здесь помидоры встанут, крепки, прямы,
Тут разместится племя земляник,
А там капуста с луком и морковью
Нальются земляной здоровой кровью.

Его душа летела к тем годам,
Когда босой, вихрастый и счастливый,

По черноморским лазил он садам
И рвал штаны о сучья старой сливы.
Потом он вырос, жил по городам,
Где серый дым прядет свои извивы, —
И все смутней, все реже в том дыму
Сады родные виделись ему.

Но в эту пору, брызжущую цветом,
Так ясно он увидел те сады:
Весной на них висели пчелы, летом —
Оправленные в золото плоды, —
Прозрачные, пронизанные светом
Тела из солнца и земной воды.
— Когда б их почкам и тугим бутонам
Раскрыться здесь, расцвести в краю
студеном!

Подчас сосед заглядывал. Ему
Не нравились венцовские затеи:
— Клубника, помидоры — ни к чему.
Была б картошка. Это — посытнее... —
День золотом окатывал Кузьму,
Коптил боры его короткой шеи.
— Не выйдет, Федор, толку из труда:
Земля-то наша бросовая... Да!

Венцов не слушал. В лепестковой пене
Над головой струился вешний день.
Лила угарный чад своих курений
Лиловая персидская сирень.
Зеленой зыбью возле ног сирени
Переливалась лиственная тень.
Гудок взбирался на крутую ноту
(Жена в прядильной кончила работу).

Качал цветок тяжелого шмеля.
Росла трава. Играли дети в прятки.
Свежо чернела взрытая земля.
Пришла жена. Обделывала грядки.
Подкрадывался ветер, шевеля
Ее волос рассыпчатые прядки,
Подкрадывалось солнце, щекоча
Ее глаза соломинкой луча.

Кто видел смерть, кого она задела
Концом неотразимого крыла,
Кому хоть миг в лицо она глядела,
Чью кровь земля, как дождь в грозу,
пила,—
Тот землю будет чувствовать, как тело,
Тому вдвойне весна ее мила.
Всею кровью алой, каждой порой малой
Он чует луч и запах тропки талой.

Глава третья

Страны прекрасной маленький Колумб,
Что волей человеческой творима,
Он хлопотал у гряд своих и клумб,
У колыбели выселенцев Крыма.
Когда весною в лужи возле тумб
Мороз гляделся, — одеялом дыма
Цветочную он кутал детвору,
Чтобы она не вымерзла к утру.

От ручек тачки, груженной навозом,
Налет стеклянный на ладони лег.
Вдвоем с женой с утра склонялись к
розам,

Лелеяли лимонный стебелек,
Несли напиток виноградным лозам,
Но все, как прежде, был успех далек.
Свинья соседа клумбы рылом рыла,
Роса дурная жестью завязь крыла.

Чадит сирень, персидская сирень.
Гудят жуки с зеленых колоколен.
От аромата у луны — мигрень,
И соловей томленьем сладким болен.

В тени ворот, в фуражке набекрень,
Стоит Кузьма Степаныч Барахолин.
Ему на песни соловьев — плевать.
Вот он сейчас покурит — и в кровать.

От соловьев не видит он прибýtка.
Обозревает сонно небосвод,
Луну — она, как медная семитка, —
И чешет мягкий и большой живот.
Чу, скрипнула соседская калитка.
Венцов пошел куда-то. «Са-до-вод!» —
Как много ядовитого и злого
Вложил Кузьма Степаныч в это слово!

А садовод в раздумье смутном брел
Голубоватым лунным тротуаром.
Да, труд его бесплоден и тяжел,
Но что, когда и где давалось даром?
Опять он в сердце мужество обрел
И, раскрывая чувства майским чарам,
Окутанный прозрачной темнотой,
Позабывался сладко за мечтой.

Он знал, что летом городскому люду
Невмоготу от зноя, что лучи
Без милости накаливают груды
Домов и фабрик. Жарко, как в печи.

Цветку среди булыжников, как чуду,
Весной дивятся радостно ткачи,
Но лепестки цветка от пыли серы.
В пыли бульвары, садики и скверы.

И чудился Венцову город-сад,
Весь в изумрудных лиственных монистах,—
Венки аллей вокруг заводских громад,
Прохлада парков свежих и тенистых.
Десятки рук заботливо взрастят
Семью цветов на мостовых кремнистых
Рассыпав астр и лилий семена, —
И обновятся улиц имена.

И юноша пошлет письмо невесте
По адресу: «Сиреневый район,
Дом номер десять в Розовом проезде», —
Благоуханьем звуков опьянен.
«Поселок Лип... Садовое предместье, —»
Певуче прочитает почтальон:
«Березовая... улица Пионов...
Сосновая слободка... Площадь кленов...»

Глава четвертая

Как мельница, метелица пылит,
Пылит снежком на кровли и ворота.

Белесый мрак над улицей разлит.
Неслышно ходит по домам дремота.
Лишь у Венцова в окнах чуть сквозит
Неяркого сиянья позолота,
И через стекла, убранные льдом,
Метелица заглядывает в дом.

Он поседел, заиндевел от стужи.
Хозяйка шьет, но все скользит шитье
Из тонких пальцев. Ей сегодня хуже.
Какой-то жар томит и жжет ее.
Она о детях думает, о муже.
Вон, погруженный в полузабытье,
Он опустил на книжные страницы
Недлинные спокойные ресницы.

Живет он в мире странном и чужом:
То книги по механике читает,
То за полночь сидит за чертежом, —
Посадочный станок изобретает.
Седой январь щетинится ежом,
А он твердит: — Как только снег растает,
Похорошеет наша жизнь: в саду
Я опыты с рассадой проведу.

Любовь и вера, вы живете рядом.
Ее любовь попрежнему тепла.
О, если бы, и вправду, вместе с садом
Их доля вешней вишней расцвела! —
Она смотрела вдаль туманным взглядом,
Потом к постели тихо подошла.
Ребята крепко спали. Полночь било.
Пора, пора и ей ложиться было.

Пылит и вьет за окнами кура.
Мерцают стеклом ледяные слитки.
Высокая пуховая гора
Щеколду придавила у калитки.
Склонившись возле снежного бугра,
Увязывает ночь свои пожитки.
Час голубого утра недалек,
А Федор Аникеич все не лег.

Все чертит он машину плодородья.
Ей суждено по вешнему пути
В стаканчиках на сельские угоды
Рассаду скороспелую нести.
Конец господству тощего бесплодия!
Теперь и там все примется цвести,
Где по весне буран белобородый
Мертвит сады и губит огороды.

Негромко дышат дети. Спит жена.
Рука прозрачна. В складке губ —
усталость.

Как мужественно делит с ним она
И труд и все, что им в удел досталось!
Но трудная дорога пройдена,
Еще немного подождать осталось, —
И над страдой усилий, наконец,
Блеснет успеха радужный венец.

Он складывает свой чертеж. Светает.
Метель утихла. Около ворот
Синеет ворох снега. Сумрак тает.
Победно утро по земле идет.
Как гостя, человек его встречает.
На новый подвиг новый день зовет.
И счастлив тот, чья жизнь дотла сгорела
На праздничном костре большого дела.

Пригожи вы, расцветшие поля,
И трогательны красотой непрочной.
Летит на вас, метелями пыля,
Железный ветер из страны полночной.
Как ласточку во вьюгу, как шмеля,
Застывшего у завязи цветочной,
Дыханьем жизни, всем теплом своим
Мы отогреем землю, обновим.

Глава пятая

Лучи заката бродят по обоям
Над ложем умирающей. Она
Охвачена сухим, палящим зноем,
В беспамятство и бред погружена.
Тонколепестным, многокрылым роем
Трепещет сад у самого окна,
Но не подняться больше ей с кровати,
Не встать навстречу майской благодати.

А как она ждала весенних дней,
Гадая, сколько май рассыплет цвета.
Как верилось зимой морозной ей,
Что снег невзгод не дольше, чем до лета!
Но все труднее было, все скудней, —
Ночами кашель мучил до рассвета,
Железными когтями рвал он грудь,
И силы в теле падали, как ртуть.

Венцов присел на краешке постели.
Ребята сбились около отца.
Заря повяла. Сумерки густели.
— Тоска, тоска! И нету ей конца! —
Он стиснул пальцы так, что захрустели.
Уж не узнать горячего лица.

Дыханье хрипло. Веки плотно сжаты.
Да, где борьба, там — жертвы и утраты.

— Родная, встань! Любимая, взгляни,
Как темной кровью розы налилися.
Не в сердце ли твое впились они —
Шипов своих иголками впились?
И чей румянец в солнечные дни
Слетит на щеки звонкого аниса?
И чьей любви могучее тепло
Цветы, как свечки, на ветвях зажгло?

Она не слышит. И глухой, подспудный
В душе Венцова зазвучал упрек:
— Не сад, — он сам сгубил ее. На
трудный,

На скудный жребий он ее обрек.
Берег росток и листик изумрудный,
А человека, друга, не сберег!..
Все громче голос совести — и нету
Ни довода в ответ на правду эту.

И бабка красных не сводила глаз
Со впалых щек, с сухой руки дочерней.
Был позабыт с посудой грязной таз
И плошки, закоптелые до черни.
Часы, хрипя, пробили девять раз.
Ткачихи шли на зов гудка вечерний.
Так пчелы в теплой мгле вечеровой
Летят с цветов в гудящий улей свой.

Шаги затихли. Не шумели дети
В весенних зыбких сумерках. Увы,
Не приголубят рук увядших плети
Ни той, ни этой черной головы.
Бутылочки на белом табурете,
Зачем ее не вылечили вы?
Зажегся свет, просыпав золотинки
На блюдо с кашей. Грустен, как помидки,

Был ужин в этот вечер. И — пришел
Сосед Кузьма Степаныч Барахолин.
Кузьма сегодня сумрачен и зол,
Кузьма сегодня жизнью недоволен.
Работал он в столовой, словно вол,
И вдруг — уволен. Почему уволен?
— Помоев, слышь, нельзя носить домой!
За что же мы боролись? Боже мой!..

Он был сейчас особенно не нужен
И чужд под этой кровлею всему,
А знай сидел. Давно убрали ужин.
— Как хочется остаться одному!
Как Федор Аникеич безоружен
Перед тоской! Как тяжело ему!
Он поднялся и вышел в сумрак сада.
Стеклянная звенела в нем прохлада.

Как дорогой прозрачный самоцвет,
Светился неба край зеленоватый.
И не понять: белеет майский цвет
Иль это снег повис на ветках ватой?
Ох, грянет к утру заморозок! Бед
Немало он наделает, проклятый,
Хрустящим мелом инея беля
Железо кровель, гряды и поля.

Погибнет скороспелая рассада,
Побеги неокрепшие умрут!
Венцов стоял посередине сада,
Как одинокий искривленный прут.
В ночной тиши искал он с горем слада,
Чтобы спасти свой неусыпный труд,
И, стиснув зубы, напряженьем воли
Он превозмог терзанья жгучей боли

Стлал заморозок белые ковры
И прибивал гвоздями напоследки.
Но человек зажег в саду костры, —
И плотный дым одел стволы и ветки.
Он застрезал во впадинах коры,
Он обволок все гряды сада, едкий,
Но теплый, стойкий. Колыхался мрак.
За ним свирепый притаился враг.

И там и сям шагал он без помехи,
Дыша все гуще, резче и свежей.
Он заставлял в овчинные доспехи
Ночных закутываться сторожей.
То лапой комкал листья для потехи,
То в гнездах замораживал стрижей.
Заглядывал к Венцову и со злобой
Отшатывался: — Не войдешь, не пробуй!

Тут каждый венчик продолжал цвести.
Тут все согрел огонь любви и страсти.
Лишь человеческую жизнь спасти
Его мерцанье не имело власти.
Быть может, завтра мысль найдет пути
К бессмертию. Но в эту ночь несчастий,
Прозрачно-леденеющую ночь,
Кто в домике Венцовых мог помочь?

Венцов вернулся в комнату на голос
Рыданий детских. Явь была, как бред.
Изнемогая, лампочка боролась
С лучами утра. Шел седой рассвет.
О, срезанный серпом жестоким колос!
О, сорванный с душистой ветки цвет!
Уж грудь не поднимала покрывала.
Лицо бледнело, меркло, остывало.

Не шевелилась кисть худой руки,
Из голубого слепленная воска.
Ей не поить лимонные ростки,
Не пестовать вишневого подростка.
Вздыхала бабка. На коре щеки
Светилась мутно бисерная слезка.
Сидел Венцов у шаткого стола
И повторял беззвучно: «Умерла!..»

— Ты не хотела уходить от мая,
От веточки сирени на столе.
И вот лежишь, холодная, немая,
На пожелтевшем смятом миткале.
Ты крепким сном покоишься, не зная,
Что в это утро на седой земле
Перед твоими белыми цветами
Склонилось смерти траурное знамя!..

День поднял знамя света и тепла.
Скворцы во-всю орали с палисада.
Сирень лила свой аромат. Жила
В посадочных стаканчиках рассада.
В руках дрожащих бабка в дом несла
Весну и радость... нет, цветы из сада...
Как жизни весть, как лучший дар земли,
На миткале их венчики легли.

У впалых щек, у губ испепеленных,
У сложенных на вечный отдых рук
Взметен сугроб цветов, усыновленных
Угрюмым краем белоколых выюг.
Рой лепестков нездешних, полуденных
Слетел сюда, как мотыльки на луг.
Они живут! Им цвести в полях
бесплодных
У ветхих прясел, у трясин болотных.

У сучковатых темных изгород
Им суждено, как молоком, налиться.
Там виноград березку обоймет
И яблоки пойдут румянцем крыться.
И в сердце радость упадет, как плод,
И теплым светом сердце озарится,
Когда садами станут исстари
Заросшие полынью пустыри.

Глава шестая

Сугробом пахнет от арбуза. Густо
Его нутро пурпурное горит.
— Ивановский, а как созрел... до хруста!
Захожий гость с восторгом говорит.
Синеет небо холодно и пусто.
Венцов пришельцам семена дарит

И раздает садовые отводки:
— Несите их в поселки и слободки!

Он — не колдун, Венцов... не чародей.
В нем лишь дрожат того огня отсветы,
Что делает и маленьких людей
Великими. Тот луч найдешь в себе ты,
Им зажжены на родине моей
Учительницы, пахари, поэты, —
И о лице, что им освещено,
Мы говорим: «Как хорошо оно!»

Он — человек, навеки одержимый
Мечтой соткать земле такой наряд,
Какой дарят лишь девушке любимой,
В придачу к сердцу трепетно дарят.
Украстить край, метелями гонимый,
Тот край, где льды так холодно горят.
Согреть его, как греют руки милой
В промозглый вечер осени унылой.

О, не напрасен этот страстный жар
Упорных человеческих стремлений —
Согреть земли обледенелый шар,
Зажечь его для розовых цветений.
И что еще прекрасней в нас, чем дар
Лучиться силой творческой весенней

И оживлять бесплодные пески
И раскрывать на ветках лепестки?

Проходят годы. Люди умирают,
А Человек бессмертен. Он во льдах,
В песках пустынь упорно пролагает
Свои пути, — и на его следах
Цветы встают, колосья вырастают,
Сады в тяжелых клонятся плодах.
И, как весна за сумраком ненастья,
За далью дней сквозит цветенье счастья.

1933—1934

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Запев

Не начать ли нам складом ратных повестей ныне
Песнь об Игоре, братья, и храброй дружине?
А начать нам ту песню по делам современным,
Не стремясь за Бояном, певцом вдохновенным.

Ведь, Боян, если славить кого собирался,
Быстрой мыслью по дебрям лесным расстилался.
Он по чистому полю рыскал серой волчицей,
Возносился к подоблачью сизой орлицей.

(Говорил: вспоминает стародавние битвы).
Напускал он тогда для веселой ловитвы
Десять соколов в стаю лебедей; за какую
Белой лебедью сокол бросался стрелою,

Та вперед и певала сладкозвучную славу
Ярославу ли старцу, храбрецу ли Мстиславу,
Что зарезал Редедю у Касожского стану,
Иль пригожему сыну Святослава, Роману.

Но не соколов в стаю лебединую, други,
Напускал песнотворец, — он вещие руки
Клал на струны живые, а они под перстами
Рокотали князьям славу громкую сами.

П о х о д

Начнем же, братья, слагать эту повесть —
От Владимира старого до нынешних дней —
До Игоря князя, что, на подвиг готовясь,
Ум стянул — опоясал крепкой силой своей,

Изострил сердце мужеством, духа ратного полон,
И повел свою храбрую рать за собой,
В Половецкую землю ее повел он
За Русскую землю на бой.

***

Глянул Игорь на солнце и видит: светило
Не дневными лучами, а мраком ночным
Храбрых воев его с вышины осенило,
И сказал он соратникам верным своим:

— О, братья и други! Не лучше ли в сече
Погибнуть со славой, чем сдаться в полон?
Так скорей — на коней, и поскачем далече,
И посмотрим на синий Дон!

Пылкость юная Игорев ум полонила.
Жалко князю, что знаменье грозною мглой
Путь к великому Дону с небес заслонило
Дружине его удалой.

— Хочу на краю половецкой пустыни, —
Вновь сказал он, — копьё преломить,
Либо голову с вами сложить на чужбине,
Либо Дона шеломом испить!

О, Боян, соловей незапамятных былей!
Кабы ты рокотал нам об этих полках,
По дереву мысли скача без усилий,
Летая умом в облаках!

С древней славой свивая славы нынешней звуки,
Мчась Трояновым следом на горы с полян,
Ты песню об Игоре, Ольговом внуке,
Так бы начал, премудрый Боян:

«То не буря несет над пустынею дикой
Ясных соколов вдаль от родного гнезда,
То не галки на Дон спешают великий,
Собираясь в большие стада».

Внук Велесов! А, может, запевкой такою
Эту песню начать надлежит:
«Кони борзые ржут за Сулою-рекою,
В стольном Киеве слава звенит».

Трубы звонкие трубят в стенах Нова-града,
Стяги в светлом Путивле шумят.
Игорь-князь дожидается милого брата.
Вот и Всеволод, Игорев брат.

И сказал буй-тур Всеволод:—Свет мой и слава,
Игорь, отчей земли господин!
Мы ведь оба с тобой сыновья Святослава,
Ты — мой брат, ты и свет мне один.

Брат, седлай-ка своих скакунов быстроходных,
А мои уж готовы к пути:
Ждут у Курска в подпругах и седлах походных,
Рады витязей в битву нести.

А куряне испытаны в доблести ратной, —
Повиты под походной трубой,
Каждый выкормлен с кончика пики булагной,
Под шеломом взлелеян любой.

Им известны дороги степной глухомани,
Им знакомы овраги ее.
Лук натянут у них, дремлют стрелы в колчане,
Остро сабли кривой лезвие.

Сами скачут, как волки толпой неустанной,
По степным, по неторным стезям,
Войску чести алкая под бурей бранной,
Звонкой славы алкая князьям! —

Игорь в стремя вступает тогда золотое,
Гонит полем коня своего,
Но зловещее солнце густой темнотою
Застилает дорогу его.

Ночь свирепой грозой на него завывает,
Спящих птиц на ветвях разбудив,
Свистом в стаи зверей по дубравам сбивает.
Дико кличет на дереве Див.

Злым предчувствием близкого горя тревожим,
Шлет он весть незнакомой земле —
Голубому Поморью, Корсуню с Сурожем,
Вольной Волге и светлой Суле.

И тебе, истукан дальней Тмуторокани,
Кличет грозно и жалобно он.
Вот уж половцы кинулись в синем тумане
По неторным дорогам на Дон.

В полночь резко скрипят на просторе великом
Вереницы несметных телег.
Скажешь: стая распуганных лебедей с криком
Покидает согретый ночлег.

Игорь воинов к Дону уводит. А Лихо
Вещей птицей качает лозу.
По овражинам волк с отощалою волчихой,
Завывая, пророчат грозу.

Хриплым клёктом зверей собирают орлицы
Пировать на просторе степном.
Лисы брешут на красных щитов вереницы.
Русь, а ты уж давно — за холмом!

Долго ночь осеняет померкшие дали.
Свет-заря заронила в туман.
Соловьиные песни с зарей задремали,
Говор галок несется с полян.

Дети Руси щитов вереницей багряной
Разделили поля пополам,
Войску чести алкая под бурею бранной,
Звонкой славы алкая князьям.

Встреча с половцами

Спозаранья в Пяток на просторах донецких,
В голубой предрассветной тени,
Окаянную силу полков половецких
Потоптали победно они.

И стрелами рассеявшись в поле, помчали
Красных дев половецких в полон.
С ними золота, паволок много достали,
Дорогих аксамитных пелен.

А орниц-покрывал, епанчей с кожухами
Столько было захвачено там,
Что в болотах узорными их ворохами
Путь мостили по грязным местам.

Стяг червлёный с хоругвью из белого шелка,
Стяг, добытый в кровавой борьбе, —
На серебряном древке червлёная челка —
Храбрый Игорь оставил себе.

Чутко дремлет гнездо удалое Олега
В стороне чужедальной глухой.
Далеко залетело! Степного ночлега
Так обманчив коварный покой.

Да ни соколу с кречетом пестрым в обиду
Не родился из них ни один,
Не бывать их гнезду и тобою побиту,
Черный ворон степной, половчин!

Серым волком в ночи по ковыльному лону
Скачет Гзак, темнотою одет,
А Кончак по туману к великому Дону
Кажет Гзаку серебряный след.

Роковая сеча

Зори нового утра, кровавые зори,
Новый день за собою ведут.
На четыре Олеговых солнышка с моря
Грозно черные тучи идут.

В них трепещет летучее синее пламя
Молний битвенных — сабель кривых.
Грянуть грому великому! С Дона стрелами
Хлынуть ливню из туч грозных.

Тут копьё преломиться, мечу пригнуться
О степной половецкий шолом,
На придонских полях, где Каяла струится,
Русь, а ты уж давно — за холмом!
Вот и ветры, Стрибожии внуки, стрелами
Веют с моря на княжьи полки.
Стоном стонет земля. Вьется прах над полями.
Мутно катятся волны реки.
Плещут стяги в пыли. Половецкая сила
С Дона, с моря и с прочих концов
Строй незыблемых русских полков обступила,
Навалилась на княжьи бойцов.
Вражьи дети молвой разделили гортанной
Ширь степную, скача по полям,
Дети Руси щитов вереницей багряной
Разделили поля пополам.
Яр-тур Всеволод! В рокоте битвенных звуков
Ты с дружиною твердо стоишь.
Грозно прыщешь на воев стрелами из луков,
О шоломы мечами гремишь.
Где ни скачешь ты, шлемом светя золоченым,
С головой разлучается враг.
Ярый тур, под булатом твоим закаленным
Расколосся аварский шишак!
А и что ему раны кровавые, други,
Коль забыл он для битв и побед

Жизнь в Чернигове стольном и милой супруги,
Красной Глебовны, нежный привет!

* * *

Прошли века Трояновы,
Дни Ярослава минули,
Олега Святославича
Полки в боях погинули.
Олег-то князь мечом ковал
Крамолу окаянную
И сеял стрелы по земле
Рукою неустанною.
Бражды братоубийственной
Подняв знамена черные,
В Тмуторокани в стремяна
Вступал он золоченые.
Тревожно звону прозному
Его набега ярого
Внимал великий Всеволод,
Сын Ярослава старого.
Владимир же черниговский,
Едва рассвет проглядывал,
Со страхом уши накрепко
Скорей себе закладывал.
В то время злые жребии
Князьям на долю выпали.
Бориса Вячеславича

Взманила слава к гибели,
И юноше отважному
За боль обиды Ольговой
Постлала смертным саваном
Ковыль зеленый шелковый.
И Святополк с ковра полей,
Каялою омытого,
На иноходцах угорских
Повез отца убитого
Предать его земле сырой
К Софии в Киев. Той порой,
При Ольге Святославиче,
При горьком Гориславиче,
Гусь заседалась смутами
И порастала спорами,
Усобицами лютыми,
Кровавыми раздорами, —
И жизнь людей, Дажьбожьих чад,
Шла на погибель, на закат.
В крамолах пагубных княжих
Век укорачивался их.
Тогда так редко на Руси
Перекликались ратаи,
Так часто с трупов каркали
Стервятники пернатые,
Так часто галки речь вели
Крикливою оравою,

Сговариваясь меж собой
Лететь на снесь кровавую.
То было раньше, в те бои,
Но о таком побоище
До сей поры в краю родном
Не слыхивал никто еще.

* * *

От утра до повечерья,
С повечерья до рассвета
Сыплет градом стрел каленых
Сеча яростная эта.
Треск идет от копий, с громом
Скачут сабли по шеломам
В сердце степи половецкой,
В поле диком, незнакомом.
Уж черна земля сырая —
Вся копытами изрыта.
Сплошь засеяна костями —
Сплошь убитыми покрыта.
Полита горячей кровью
По истоптанному всполью,
И взошел по русским долам
Тот посев великой болью.
Что мне шумит,
Что мне звенит
Далече рано пред зарей?

То Игорь вновь в кровавый бой
Полк поворачивает свой, --
Знать, Всеволода пожалел!
И бьется он под градом стрел
И день и два. И третий день
Встал на полдневную ступень,
И пали сеявшие страх
Знамена Игоревы в прах.
Тут над Каялой быстрою
Два брата разлучаются.
Дошло вино кровавое,
И бранный пир кончается.
И сватов напоили вы,
И сами тут, сердечные,
Вы, русичи, за родину
Легли на веки вечные.
Поникли травы с жалости,
А дерево с кручиною
К сырой земле склонилось
Зеленою вершиною.

Печальная година

Невеселая, братья, година пришла:
Уж пустыня высокой травой покрыла
Поле боя, где ратная сила легла.
Чад Дажьбожьих сраженная сила,

Скорбно встала над нею Обида ее,
Девой-лебедью встала, крыла распустила
И сошла на степное сухое былье,
На Троянову землю ступила.
И за Доном-рекой, над пучиной морской,
Заплескала-забила крылом лебединым
И, плеща, изошла неутешной тоской
По минувшим счастливым годам.

*
**

Губят Русь усобицы княжие.
Кто спасет от ворогов ее?
Спорят братья, вздорят, как чужие:
— То мое и это все мое!
С малых слов великий спор заводят
И раздор выковывают злой,
А враги со всех сторон приходят
Для побед над Русскою землей.

О, далече —
На море — зашел,
Избивая
Диких птиц, сокол!

А полку-то
Игоря не встать.

Вот о сыне
Завопила мать.

Заметалась
Скорбь из веси в весь,
Пепел тризны
Сея там и здесь,

Легкий пепел,
Погребальный прах,
Взвеванный
В пылающих рогах.

С плачем жены
Русские твердят:
— Вот уж нам
Своих желанных лад

Ни в заветных
Снах не загадать,
Ни очами
Их не увидать.

А уж златом-
Серебром нам впредь
И подавно
Больше не звенеть!..

Стонет, братья, Киев от невзгоды,
А Чернигов — от напасти грозной.
Залила тоска всю Русь, как воды,
Грусть-печаль течет рекою слезной.
А князья куют свои крамолы,
И победно вражеская сила
Топчет взгорья русские и доли,
Собирая дань — по белке с жила.

Так два храбрых, два удалых брата —
Игорь с туром Всеволодом ярым —
Лихо разбудили. Знать, задаром
Это Лихо усыпил когда-то
Святослав, князь киевский могучий.
Устрашая половцев ватаги,
Он примчался в степь грозою-тучей
И полками, полными отваги,
Притоптал их холмы и овраги,
Возмутил их реки и озера,
Иссушил потоки и болота,
А Кобяка, словно вихрь, сналета
Он исторг для плена и позора
Из луки морской, с кочевий диких,
Из полков железных, из великих.

И попал Кобяк на смех-забаву
В стольный Киев, в гридню к Святославу.
Тут и немцы и венецианцы,
А за ними греки и морава
Славословят князя Святослава.
И корят и судят, чужестранцы,
Игоря, что силу-рать родную
Погрузил в Каял-реку степную,
Половецкую реку засыпал
Русским златом, да и сам над нею
Из седла из золотого выпал —
Пересел в седло к врагу-кощею.

Сон Святослава

Приуныли стены в городах,
И не слышно звонкого веселья.
Святослав на киевских горах
Видел сон тревожный. — С повечерья
Ночью сей меня, — поведал он, —
Одевали (ох, недобрый сон!)
На кедровом ложе в саван черный.
Черпали мне синее вино, —
С ядом было смешано оно.
Рассыпали с ласкою притворной
Тулами придворных толмачей

Мне на лоно жемчуг крупнозерный.
И до первых утренних лучей —
Снилось мне — без связи доски были
В златоверхом тереме моем.
С вечера покрылся вороньём
Луг поречный; каркали, кружили,
За лесные дебри хоронясь,
И всю ночь неслись на сине море! —

И бояре отвечали: — Князь,
Разум твой заполонило горе.
То — два буйных сокола с отцова
Поднялись престола золотого,
Захотев Тмуторокань добыть
Либо Дона шлемами испить.
Да когда они летели степью,
Враг подрезал крылышки у них
Саблею булатной, а самих
Оковал железной тяжкой цепью.
Темен был тот несчастливый день!
Оба солнца спрятались в туманах,
Помрачились два столпа багряных,
А за ними погрузились в тень
Два других светила,
Молодые месяцы — Олег
С Святославом. Так у дальних рек

На Каяле тьма наш свет покрыла.
Словно стая пардусов, тогда
По Руси раскинулась орда,
Бурным морем землю затопила
И отвагу хану придала.
Уж восстала на хвалу хула,
На свободу поднялось насилье,
И, сложивши крылья,
Грянулся на землю черный Див.
Вот над синим, над морским простором
Готские девицы, зазвонив
Русским златом, распевают хором, —
Славят время Бусовых побед
И лелеют мщенье за хана
Половецкой степи, Шарукана.
Князь, а нам веселья больше нет!

Золотое слово

И тогда великий Святослав
Слово золотое,
Горькими слезами облитое,
Изронил, сказав:
— Ох, вы, дети, Игорь, ясный свет,
С буйным туром Всеволодом! Рано
Сокрушать вы стали землю хана,

Пролагать мечами к славе след.
Но неславно вы одолевали,
Кровь врагов неславно проливали.
Знаю: ваши храбрые сердца
Из булата твердого ковались,
В буйстве закалялись.
Что же вы, два пылких удальца,
Сотворили с нею,
Сединой серебряной моею?

Уж не вижу власти над князьями
Ярослава, брата моего.

Многоратный, силен он полками.
В тех полках — черниговцы его,
Дети гор — татраны,

Шатуны, горланы,
Силачи, гуляки, атаманы.

Да! Они и без щитов, с одним
Острым засапожником своим,
Вражью рать среди резни кровавой
Побеждают кличем боевым,
Дедовской позванивая славой.

Но сказали вы друг другу: — Нет,
Мы теперь мужаться сами будем,
Сами славу новую добудем
И поделим славу прошлых лет!

А и диво ль, братья, старцу стать
Молодым опять?
Коли сокол в линьке побывает,
Он высоко птиц тогда взбивает:
Своего гнезда
Не дает в обиду. Но — беда:
Мне князья другие — не помога,
Под уклон пошла времен дорога.
Вот и в Римов вторгся половчин.
Там кричат под саблями поганых,
А Владимир князь — в кровавых ранах,
Стонет, тужит Глебов храбрый сын.

О, Всеволод, великий князь!
Лети издалека скорей
Блюсти златой отцовский стол
Могучей мыслию своей!

Ты мог бы веслами гребцов
Всю Волгу в брызги распылить,
Ты мог бы шлемами бойцов
Весь многоводный Дон разлить.

И будь ты здесь, за пленных дев
Ногата платою была б,

По мелкой резани тогда
В торгу богатом шел бы раб, —
Затем, что можешь ты стрелять
И по сухим путям степей —
Живые стрелы посылать:
Удалых Глебовых детей.

А вы, буй-Рюрик и Давид!
Когда вокруг ярился бой,
Не ваши ль это шишаки
По крови плавали чужой?

Не ваши ль храбрые полки,
Бросаясь в бой, рыкают злей,
Чем тур, пораненный мечом
Среди неизвестных полей?

Князья, коснитесь же скорей
Ногами золотых стремян
За землю русскую, за кровь
Горящих Игоревых ран!

О, Ярослав, князь-Осьмомысл!
В далекой Галицкой земле

Высоко восседаешь ты
На златокованном столе.

Гряда Угорских гор твоей
Железной ратью подперта.
Путь королю загородив,
Замкнул Дунаю ты врата.

Ты мечешь башни в облака
И до Дуная рядишь суд,
И грозы ярые твои
По землям вражеским текут.

Ты можешь властною рукой
Ворота в Киев отворять,
С золотого отчего стола
Султанов за морем стрелять.

Стреляй в Кончака, господин!
Пусть примет мщенье басурман
За землю Русскую, за кровь
Горящих Игоревых ран!

*
* *

Ты, буй-Роман, и ты, Мстислав!
Бесстрашных замыслов полет

Неудержимо разум ваш
На подвиг доблести влечет.

В порыве буйственном своем
Парит высоко ваша страсть,
Как сокол — в воздухе, на птиц
Готовый яростно напасть.

К латынским шлемам на себя
Надели вы железо лат.
От них растрескалась земля
И страны многие дрожат.

Ятвяги, половцы с Литвой
И Деремела с Хиновой
Повергли копья, подклонясь
Под ваши сабли головой.

— Но, княже, вот и солнца свет
Для Игоря уже погас,
И дерево свою листву
В недобрый обронило час.

По Роси и Суле-реке
Кочевник делит города,

А Игорев отважный полк
Уж не воскреснет никогда.

О, княже, Дон тебя манит,
Князей зовет к победе он,
Но только Ольговы пленцы
На бранный подоспели звон.

*
**

Ингварь и Всеволод и все
Вы три Мстиславича! О, нет,
Вы, шестикрыльцы, не плохим
Гнездом порождены на свет.

Счастливым жребием побед
Владенья ваши добыты.
Где ж копыа польские у вас,
Златые шлемы и щиты?

Загородите тыном стрел
Ворота в степь, открыв колчан
За землю Русскую, за кровь
Горящих Игоревых ран!

Былая слава

Уж к переяславским городским воротам
Не струится серебром Сула.

И Двина под вражьи возгласы болотом
В тот ли грозный Полоцк потекла.

Но не грозны стали нынче полочане.

Только сын Васильков, Изяслав,

По литовским шлемам позвонил мечами,

Дедовскую славу приласкав.

Да и сам он ратной был отмечен славой:

Весь иссечен саблями Литвы,

Пал под щит червлёный на ковер кровавый

Полевой травы.

Уж не встать с багряной травяной постели!

И печально он себе сказал:

— Князь, твою дружину крылья птиц одели,

Хищный зверь ей раны облизал! —

Не случилось рядом братьев Изяслава.

Не случилось около него

В этот час ни брата Брячислава,

Ни Всеслава, никого!

Одиноко он в золотое ожерелье,

Словно жемчуг, душу изронил.

Замерло, поникло в отчине веселье.

Трубы трубят — голос их уныл.

Ярослав и все вы, правнуки Всеслава!

О, вложите ржавый меч в ножны,

Преклоните стяги! Вас отвергла слава

Гордой старины.

Вы на край отцовский, на его обилье

Первые врагов и навели.

Ведь, от вашей свары и пришло насилье

С половецкой кочевой земли.

**

На седьмом, на Трояновом веке Всеслав

Бросил жребий о милой своей, загадав

Про наследственный Киев. На быстром коне

Подскакал он к его крепковратой стене,

Да лишь древком копья боевого с седла

Чуть коснуться успел золотого стола.

Лютым зверем из Белграда скрылся в ночи, —

Убегая, окутался синею мглой.

Поутру же на Новгород поднял мечи,

Ярославову славу расшиб, удалой!

Волчьим скоком, пригнувшись к седельной луке,

От Дудуток метнулся к Немиге-реке.

**

О, стонать всей Руси, вспоминая князей
Стародавних великих. Да, видно, нельзя
Пригвоздить было старца Владимира ей
К высям киевских гор, хищной степи грозя.
Ныне стяги его разошлись по рукам,
Теми Рюрик владеет, другими — Давид.
Разно веять пришлось грозным их бунчукам,
Врозь и копья поют в шуме яростных битв.

Плач Ярославны

Раным-рано в смутный час рассветный
Ярославнин голос слышен мне.
Чу, она зегзицей бесприветной
Горько кличет в тишине:

— Я взовьюсь над полем, над дубровой,
По Дунаю быстро полечу
И в Каяле свой рукав бобровый
По дороге омочу.

Князь мой ранен. Кровью заалели
Злые раны на груди его.
Смою кровь на мужественном теле
У супруга моего!

Раным-рано, далеко-далёко —
В городке Путивле на стене
Ярославна плачет одиноко,
Причитая в тишине:

— Что ты, Ветер, веешь с буйной силой?
О, Ветрило-Ветер, для чего
Мчишь ты стрелы хана, легкокрылый,
В воев лада моего?

Мало ль ты под облаками веял,
На морях лелея корабли?
Что ж мое веселье ты рассеял
В ковыле степной земли?

Раным-рано, далеко-далёко —
На стене путивльской городской
Ярославна плачет одиноко,
Восклищая вдаль с тоской:

— Днепр Словутич, каменные гряды
Ты сквозь землю половцев пробил.
Святослава легкие насады
В стан Кобяка ты носил.

О, когда бы, на волнах лелея,
Ты, могучий, лада мне принес,

Чтоб не слала рано по заре я
Вдаль, на море, горьких слез!

Раным-рано, далеко-далёко —
На путивльской городской стене
Ярославна плачет одиноко,
Воскликая в тишине:

— Солнце, трижды светлое светило!
Всем тепло, красно ты, Солнце, всем!
Что ж ты воев лада опалило
Огненным лучом? Зачем

В стороне безводной, незнакомой
Луки воям зноем ты свело
И глухой полуденной истомой
Им колчаны запекло?

Освобождение Игоря

Всплескалось море; бурно прыщет пена;
Идут смерчи; бог сквозь ночную мглу
Дорогу кажет Игорю из плена
На Русь к златому отчему столу.

Погасли зорь огни вечеровые.
Князь Игорь спит — не спит, и без конца

Умом просторы мерит полевые
От Дона и до малого Донца.

Овлур свистит коня в полночном мраке,
Заречную тревожа тишину!

Велит понять условленные знаки:

— Не быть, — воскликнул, — Игорю в плену! —

Гудит земля, трава шумит густая,
Колышутся кибитки степняков,
А Игорь-князь проворней горноста
Прокрался меж прибрежных тростников.

Как белый гоголь, в воду окунулся,
Легко вскочил на борзого коня
И серым волком по степи метнулся
К лугам Донца, ковыль-траву клоня.

И соколом к черте родного края
Он полетел, туманами одет,
Гусей и белых лебедей сбивая
Себе на ужин, завтрак и обед.

Он соколом летел в степи зеленой,
Овлур же волком побежал по ней,
С травы стряхая дождь росы студеной, —
Лихих они умаяли коней.

**
*

Донец журчит: — О, князь, тебе
Немало величания,
Кончаку — огорчения,
А Руси — ликования!

И отвечает Игорь-князь
На светлых струй звучание:
— Донец, немало и тебе
Почету-величания.

Ты князя убаюкивал
Волною тихозвонною,
На бреге стлал серебряном
Ему траву зеленую.

Ты теплой мглой окутывал
Скитальца утомленного
Под свежей тенью дерева
Кудрявого, зеленого.

Стерег на зыби гоголем,
На струйках — чайкой чуткою,
А на ветру, на воздухе, —
Пролетной дикой уткою.

А Стугна — не таковская:
Тоща струя голодная,
Потоки жрет, суденышки
О корни трет подводные.

В ней Ростиславу юному
Под берегами темными
Затворен Днепр серебряный
Волнами вероломными.

Мать Ростислава всплакалась
По юноше возлюбленном,
По Ростиславе ласковом,
В речных волнах загубленном.

Легли цветы от жалости,
И дерево с кручиною
К сырой земле склонилось
Зеленою вершиною.

**

Не сороки растрещались, —
То по Игореву следу
Едут ханы Гзак с Кончаком
И в пути ведут беседу.

Тут не граял синий ворон,
И помалкивали галки,

И сороки не трещали,
По ветвям цепляясь в балке.

Дятлы кажут звонким тектом
Ближний путь к воде потока,
Соловьи веселым пеньем
Возвещают свет с востока.

Гзак промолвил: — Если сокол
На гнездо летит полями,
Расстреляем соколенка
Золочеными стрелами!

А Кончак: — Уж если сокол
Полетел в свою сторонку,
Лучше красною девицей
Свяжем крылья соколенку!

И тогда в ответ Кончаку
Гзак такое молвил слово:
— Если свяжем мы девицей
Соколенка удалого,

Ни его у нас не будет,
Ни красавицы-девицы,
И почнут нас бить чужие
В половецком поле птицы!

ЗАЗДРАВНАЯ ПЕСНЯ

Позабыть ли молву Боянову?
Песнотворец, певший был старинную
Ярославоу, Олегову, коганову
И походы Святослава со дружиною,
Он премудрую складывал речь,
Пел, седой, ладней соловушки:
— Тяжело голове без могучих плеч,
Худо телу без головушки!
(А без Игоря — Русской земле).
Солнце светится
Нам на небе,
Игорь князь — на Руси,
На отцовском столе.
Поют девицы
На Дунай-реке.
Голоса хоровода девичьего
С моря синего до Киева расходятся.
Игорь едет вдоль Боричева
К Пирогощей святой богородице.
Страны рады,
Грады с весями
Зазвенели
Веселыми песнями.
Вслед за ними и мы

Честь князьям воздадим —
Прежде старым,
Потом — молодым:
— Слава Игорю
Святославичу,
Слава буйному
Туру Всеволоду
И Владимиру,
Сыну Игореву!

Долго здравствуйте, князи, с дружиной своей,
Поборающей нам средь безвестных полей
Половецкую силу пустынную!
Слава храбрым князьям с их дружиною!
Аминь.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<i>Стр.</i>
<i>Лев Озеров. Поэзия Дмитрия Семеновского . . . . .</i>	3
Родина	29
Все—тебе	31
Поляна, пни, пугливые осинки	32
Поле. Кашка с медуницей . .	33
Гармоника	35
Китайчонок	37
Леса с болотами да топями .	38
То не жар ли птица	40
Сказка	42
Аленушка	44
Товарищ	46
Сходка	48
Карусель	50
Потоплю глаза в густой лазури	52
Изгородь, горбатое гуменце .	53
Навозница	54
Подруге	55
С еврейского	57
Суламифь	59
Я знаю, что солнце, веселое солнце	61
Жимолость	62
Полевые корабли	63

Руки	65
Здравствуй, отеческий кров .	67
Величьем самоотверженья . .	68
Всем нам, всем—цветам . . .	69
Горы	71
Так тихо, что кажется: вымер	73
Цепенеет дорога	74
Слава—злобе	75
Луна	76
Ленин	77
Милый друг, половину души .	78
Дорога	79
О, грустный покой предве-	
черья	81
Гуденье церковной меди . . .	83
Стоит жить на белом свете .	85
Об одной любви	86
В эту ночь ручьев звенящих .	88
Кража	90
Поэт	93
Тебе неприятны мужчины . . .	97
Неуловимо из-под ног	98
Весенний вечер	100
Юных глаз счастливое сиянье	101
Вот и май с соловьиными зво-	
нами	103
Перед утром	104
Состарилось лето. Лежит на	
припеке	106
Карина	107
Урожай	109
Ефиму Вихреву	111
Художники	113

Палех	115
Артель	117
Цветы	121
Лукоморье	124
Запустение	127
Земляника душистая сплошь .	128
Мать	130
Пахнет порубь спелой земля- ником	133
Все убрано к сроку. В отаве гуменной	135
Юрьеvec	137
Горький	141
Пушкин	145
Школьники	147
Прошла пора, когда	149
Мягкая голубизна рассвета .	151
Гордость	153
Встреча	155
Родная земля	161
Путь	163
Нелюдь	165
Возмездие	163
В дороге	170
Волга	171
Тень	175
Перекличка писем в край из края	176
Ветры марта, весны запевалы	178
Мать солдатская	179
Сад	183
Слово о полку Игореве	210

10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

Редактор *А. Н. Благов.*
Художник *И. Т. Колочков.*
Подп. к печати 4/XII-1945 г.
КЕ-01809. Печ. л. 7⁷/₈. Уч.-
изд. л. 6,13. В печ. л. 37440
тип. зн. Тираж 10000 экз.
Цена 5 руб. 75 коп.
Переплет 2 руб.

*

Типография издательства Ива-
новского облсовета депутатов
трудящихся, г. Иваново.
Типографская, 4. Зак. № 3959.

President of the Board
of Directors
of the
Company
New York
City

Dear Sir:
I have the honor
to acknowledge
the receipt of
your letter
of the 15th
inst.

7 p. 15 R.

